

ДЖУН ХЁР

18+

КРАСНЫЙ ДВОРЕЦ

ВСЕ ПУТИ ВО ДВОРЕЦ ОКРАШЕНЫ КРОВЬЮ.

Джун Хёр
Красный дворец

© Солнцева О., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

* * *

Посвящается моему мужу Боско

*Дружба рождается в тот самый момент,
когда кто-то... говорит другому: «Что?
Ты тоже? А я думал, никто, кроме меня...»*

К. С. Льюис

1

Февраль 1758 г.

– Следуйте за мной, – шепотом сказал врач Нансин, – и не задавайте вопросов.

Лунный свет, бесшумный, как падающий снег, освещал крыши павильонов и статуи зверей на карнизах. Напольные светильники заливали золотистым светом тронутые инеем внутренние дворики и лабиринты дверей и окон. Вокруг царила тишина, лишь вдали били в колокол, и его звон проносился над столицей и над дворцом Чхандок^[1]. С двадцать восьмым ударом ворота дворца запрут на ночь.

Как только королевский врач повернулся к нам спиной, мы с Чиын обменялись недоуменными взглядами.

«Разве наша смена не закончилась? – спросила она одними губами. – Разве нас не должны отпустить домой?»

Я метнула нервный взгляд на врача и ответила: «Все это очень странно».

Но откуда нам было знать, что действительно странно? Мы только-только заступили на должности нэ-ыйнё, медсестер, назначенных на службу во дворце.

– Нельзя терять ни секунды. – Королевский врач ускорил шаг, он, казалось, запыхался; его руки в широких рукавах были напряжены; синий шелковый халат вздымался подобно штормовым волнам, длинный белый фартук напоминал венчающую их пену. – Нужно поторапливаться.

Мы с Чиын тоже прибавили шагу. Наши длинные тени вытянулись еще больше. Она несла поднос, я – фонарь. На этот раз мы помалкивали, хотя обычно жаловались друг другу на то, что в животах у нас урчит от голода, а руки-ноги устали от работы. Во дворце все было иначе, чем вне его. Никто здесь не вел себя словно

ребенок. Даже королевские дети казались серьезными и чем-то озабоченными взрослыми.

Мы быстро покинули Королевскую аптеку, расположенную в восточном углу дворцовой территории, и миновали один внутренний дворик за другим; звук большого колокола неся нам вслед. Колокол прозвонил в двадцать шестой, в двадцать седьмой и, наконец, в двадцать восьмой раз. Я услышала, как захлопнулись главные ворота; покинуть дворец стало невозможно. Меня пронзила тревога, в голове пронеслись сделанные мне предостережения:

«Войти во дворец – значит ступить на путь, запятнанный кровью, – шептали наши врачи-наставники. – Скоро прольется кровь. Надеемся только, что кровь эта будет не твоя».

Чем дальше на юг мы продвигались, тем пустынное становилось вокруг, и вскоре мы оказались в четырех ли^[2] от места, где, как я знала, жило большинство членов королевской семьи. Идти оставалось еще с полчаса.

Тени, наводнявшие пустые павильоны, становились все темнее; снежный покров не был больше испещрен голубыми отпечатками ног и выглядел нетронутым. Наконец мы прошли через охраняемые ворота и ступили во двор, освещенный светильниками. Посередине двора был квадратный пруд с лилиями, в затянутой льдом поверхности которого отражалась круглая серебристая луна и черные очертания гор.

Я никогда прежде не бывала здесь.

Перед двором возвышался величественный павильон – здание с длинным рядом закрытых экранами-решетками окон, высокими колоннами и красивой, крытой черной черепицей крышей. На деревянной вывеске под ней значилось: «Павильон Чосын». Это было главное здание дворцового комплекса Тонкунчун.

Резиденция наследника престола.

Мне не доводилось прежде видеть наследного принца Джанхона, но до моих ушей долетали неясные слухи о нем. Говорят, когда он родился, король, известный строгим стоицизмом, чуть было не упал,

запутавшись в полах халата, – очень уж торопился взять сына на руки. Невозможно прекрасного сына и единственного оставшегося в живых наследника. Король так полюбил его, что поспешил официально объявить наследным принцем. Но у этой привилегии была своя цена. Когда младенцу было всего сто дней, его забрали у матери и поселили в павильоне Чосын и его воспитанием занялись исключительно чужие ему люди. Отца с матерью же он видел всего раз в году. И о лишенном родительской заботы ребенке поползли тревожные слухи.

Я слышала, как дворцовая медсестра сказала как-то: «Придет время, когда наследного принца убьют, – и это сделают либо приверженцы партии старых, либо собственный отец». Завидев меня и Чиын, она тут же замолкла, потому что мы во дворце были новенькими.

– Пошли.

Я моргнула и вновь обратила свое внимание на врача Нансина. Тот жестом показал, что следует поторапливаться. Мы послушно поспешили за ним мимо придворных дам, неподвижных, словно статуи. Впрочем, одна молодая женщина украдкой следила за нами. Наши взгляды встретились, и она быстро опустила прикрытые ресницами глаза. Но все же у меня возникло ощущение, будто за нами наблюдает еще тысяча глаз.

Я отставила в сторону фонарь и почувствовала, как у меня забился пульс. Мы поднялись по ступеням на террасу и вошли в павильон. Слуги, тихие, словно тень, по очереди открывали перед нами многочисленные деревянные двери, и мы продвигались все дальше в глубь дворца, пока не достигли внутренних покоев. Здесь нас встретил евнух, лицо которого было бледным и обеспокоенным.

– Я знаю, ваш рабочий день закончился, – прошептал он врачу. – Но дело не терпит отлагательства. Принцу необходима ваша помощь.

Я наклонила голову, пряча распахнувшиеся от шока глаза. До сих пор во дворце я оказывала помощь исключительно женщинам –

принцессам, наложницам и придворным дамам. Мне еще не приходилось ассистировать врачам, лечившим мужчин из королевской семьи.

– Пожалуйста, идите за мной. – Евнух, сгорбившись, сопровождал нас в покои, окутанные тьмой; вокруг горящих напольных светильников и свеч роились тени. Повсюду беспорядочно валялись стопки книг. Две придворные дамы, охваченные дрожью, стояли у искусно сплетенной бамбуковой занавески, свешивающейся с потолка. Когда мы вошли, слуги подняли ее, и мы увидели лежащего на циновке человека в белом халате.

– Уйдите, вы обе, – приказал женский голос.

Придворные дамы поторопились удалиться, и я посмотрела на сидящую у стены женщину. Это была госпожа Хегён, жена наследного принца; им обоим было по двадцать три года, а поженились они в девятилетнем возрасте. Она, как и всегда, выглядела безукоризненно. На ней был шелковый халат, украшенный блестящими медальонами с изображениями драконов, а ее гладкие волосы, блестевшие в свете свечей, были стянуты у основания шеи в идеальный узел, скрепленный золотой шпилькой. Я уже встречала госпожу несколько раз в зале Чхиппок. Похоже, большую часть своего времени она предпочитала проводить со свекровью, а не с мужем.

– Его высочество болеет уже два дня, и ему становится все хуже, – сказала госпожа Хегён так, будто обращалась не к нам, а к тем, кто находился снаружи.

– Его высочество принимал сегодня какие-нибудь лекарства? – спросил врач Нансин.

– Нет. Утром, казалось, ему стало намного лучше, но днем он потерял сознание, и с тех пор его состояние не менялось.

Врач склонил голову.

– Я сейчас осмотрю его высочество. – Он встал на колени рядом с лежащим к нам спиной молодым человеком, и мы с Чиын – рядом с

ним. Покрывало на кровати зашелестело, наследный принц с помощью евнуха принял сидячее положение.

– Скажите мне, что с его высочеством? – попросила госпожа Хегён. – Он очень слаб и весь день не встает.

Я никогда прежде не видела принца даже издали, поскольку большую часть времени он проводил, тренируясь в Запретном саду, – совершенствовался в искусстве владения мечом и луком. Я не смогла удержаться. Очень осторожно мой взгляд пробежался по халату для сна его высочества, кисти, которую держал в своей руке врач, по его горлу... и вдруг наткнулся на донельзя испуганное морщинистое лицо.

Я моргнула.

Крепко зажмурила глаза и снова открыла. Ничего не изменилось. Мне не привиделось.

Я, оторопев, смотрела на старика-евнуха, одетого как наследный принц и сидящего на его кровати. Это был *не* принц Джанхон. И тем не менее врач Нансин оставался коленапреклоненным и не отрывал проворных пальцев от кисти самозванца, словно евнух и в самом деле был будущим королем.

– Его королевское высочество слаб, потому что слаба его ки^[3]. – Врач посмотрел через плечо, открыв нам часть своего лица. По его виску струился пот. – Сестра Чиын, принеси женьшеневый чай.

Чиын, не шевелясь, смотрела на принца-самозванца.

– Е-евнух Им? – прошептала она.

Врач стрельнул в нее взглядом, его лицо было мертвенно-бледным.

– Тихо, – прошипел он, а потом перевел взгляд на меня: – Сестра Хён, принеси, пожалуйста, лекарство.

Я встала, взяла из рук Чиын поднос и, к своему ужасу, увидела, что руки у меня дрожат. Поднос трясся, и я почувствовала, что взгляды присутствующих обращаются на меня.

– Ты сильно покраснела, медсестра Хён, – донесся до меня голос госпожи Хегён, – и выглядишь взволнованной.

Я сильнее вцепилась в поднос, но он продолжал дребезжать.

– Прошу прощения, госпожа.

– Мне говорили, при рождении тебе дали имя Пэк-хён.

– Да, госпожа. – У меня перехватило дыхание. – Это мое имя.

– Так обычно называют мальчиков.

Мне хотелось вытереть пот со лба – никто из членов королевской семьи никогда не разглядывал меня столь внимательно.

– Мама была так сильно огорчена тем, что у нее родилась девочка, что дала мне имя, заготовленное для сына.

Хегён пристально смотрела на меня, и воздух вокруг казался плотным и тяжелым; коже было больно от малейшего движения. А затем она прошептала:

– Ты почти вылитая любимая сестра принца, принцесса Хвахёп, умершая вот уже шесть лет тому назад.

Я стояла, замерев от страха, поскольку не знала, обижает госпожу Хегён мое сходство с принцессой или нет. И я не осознавала, что мышцы у меня болезненно напряжены, до тех пор, пока она не отвела взгляд – только тогда я смогла тут же расслабить плечи.

– А ты Чиын, – сказала госпожа Хегён по-прежнему полупрошептом, – двоюродная сестра нашего нового инспектора полиции.

– Д-д-да, – заикаясь, пролепетала Чиын, – э-это т-т-так.

Я поставила дребезжащий поднос на пол и снова села на колени позади врача, пряча в юбке потные руки. Мне хотелось посмотреть в сторону, туда, где стояла на коленях Чиын, но меня сдерживало охватившее все мое естество смятение.

– У меня была веская причина позвать вас сюда. – Госпожа Хегён бросила взгляд на забранную решеткой дверь, из-за которой слышался звук чьих-то шагов. Показался было силуэт одной из придворных дам, но тут же исчез. – Дело в том, что у вас есть кое-что общее.

Наконец я подняла глаза на Чиын. Мы с ней были одного возраста – нам только что исполнилось восемнадцать. Обе мы были дочерьми

простых наложниц, то есть девушками-служанками, принадлежащими к рангу чхонмин – низшему из низших. Вот только отец Чиын признал ее своей дочерью, а для моего я значила не больше, чем слуги в его доме.

– Вас обеих недавно назначили работать во дворце, – продолжила госпожа Хегён. – А до того вы были медсестрами в Хёминсо^[4], любимицами медсестры Чонсу. А я очень доверяю этой женщине.

Я крепко ухватилась за юбку. Что касается Чиын, то она была смущена не меньше моего.

– Медсестра Чонсу – друг моей семьи. А семья королевского врача Нансина в родстве с моей семьей. И надеюсь, я могу доверять вам, поскольку ваш наставник убедил меня в вашей благонадежности. – Тут в ее голос вкралась тревожная нотка. – Надеюсь, никто еще не завербовал вас в шпионы.

– Нет, конечно же, нет, госпожа, – выпалила Чиын. – Мы бы не посмели...

Госпожа приложила палец к губам.

– Во дворце говорят громко, только когда хотят, чтобы их слова услышали все, в иных случаях следует шептать. Во дворце все слушают и прислушиваются. Здесь все чьи-то шпионы. – Она перевела взгляд на принца-самозванца: – Так я могу доверять вам?

– Да, – в один голос ответили мы с Чиын.

– Тогда продолжайте заниматься его королевским высочеством, и если к вам обратится король, скажите его величеству, что его сын все еще нездоров.

Она хочет, чтобы мы солгали? Самому королю?

Это может кончиться нашей смертью.

Мне было трудно дышать, но я склонила голову, равно как и Чиын. Мы должны были повиноваться. Я продолжала смотреть в пол и слушала, как колотится мое сердце и как шелестит шелк, пока врач Нансин «лечил» принца-самозванца в нашем безмолвном присутствии.

Придворные дамы. Евнухи. Шпионы.

Я почти представляла, что они видят: игру теней на бумажных дверях, силуэты врача и двух медсестер, суетящихся вокруг «принца» в скудно освещенном свечами помещении.

Я понятия не имела, как долго нам предстоит лицедействовать, а напряженные мучительные часы тянулись так долго, что от острого чувства страха – страха того, что мы невольно вступили в смертельно опасную игру, – голова у меня запульсировала от боли. Но время шло, и тягостное молчание свело на нет даже головную боль, так что у меня остался один-единственный вопрос: куда подевался подлинный принц Джанхон?

Этот вопрос вихрем пронесся у меня в голове, пока я медленно обозревала покои принца. Мой взгляд прошелся по блестящей фарфоровой вазе, лакированной мебели с перламутровыми инкрустациями и остановился на разбросанных вокруг книгах – оккультных, если верить доносившимся до меня слухам. Его высочество был одержим даосскими рукописями, магическими формулами и учением о том, как подчинять себе духов и призраков.

Возможно, дворец был слишком обыкновенен для принца, обожавшего все незаурядное. Возможно, принц то и дело слонялся где-то за его пределами, хотя это и было запрещено, никто не мог покинуть дворец без королевского на то позволения.

Мой разум впитывал в себя окружающую обстановку, пытался уцепиться за что-нибудь взглядом и быть начеку. Так, в тишине и бездействии, проходили часы. Время, казалось, замкнулось в кольцо. Врач Нансин был неподвижен, словно скала, а Чиын занималась тем, что пересчитывала акупунктурные иголки в висевшем у нее на поясе и украшенном изысканной бахромой маленьком серебряном футляре, какие были у всех медсестер. Евнух Им, принц-самозванец, подавил зевок. Я сильно ущипнула себя за руку, но мое оцепенение все усугублялось. Никогда прежде страх не выматывал меня до такой степени: я была совершенно измождена. И не могла сказать, сколько времени прошло – один час или несколько.

Я снова ущипнула себя, сильно. *Не спи.*

А затем мои мысли покинули королевские покои, дворец и оказались в близлежащем публичном медицинском учреждении, в Хёминсо – где мы с Чиын с одиннадцати лет учились на медсестер. Мы проводили там целые дни, деля свое время между уходом за простолюдинами и неистовой подготовкой к экзаменам по медицине, – мы намеревались получить наивысшие отметки, поскольку знали, что каждый год двух лучших учениц берут на работу во дворец. Лелея эту мечту, я научилась довольствоваться недолгим сном. Я занималась до глубокой ночи, стараясь не отставать от других учениц начального класса, одаренных девочек от десяти до пятнадцати лет. Мы носили розовые чогори^[5] и синие юбки, наши волосы были аккуратно заплетены, и мы то опускали головы и смотрели в книги, то поднимали их, когда слушали лекции строгих учителей. Однажды учитель выговорил мне за то, что я заснула во время урока, и я научилась бодрствовать во что бы то ни стало, щипая себя так сильно, что обдирала кожу.

Красный нос. Такое прозвище дали мне мои одноклассницы, потому что у меня из носа все время шла кровь – из-за изнеможения, ведь я не позволяла себе спать больше трех часов в сутки. Сестра Чонсу даже давала мне маленькие полоски ткани, которые я клала в карман и которыми вытирала нос.

Так что мне не составляло труда бодрствовать. Но все же никогда прежде мне не хотелось спать столь неодолимо.

Я, должно быть, задремала, и меня разбудило глухое, бухающее эхо большого колокола. Я не сразу сообразила, что эти звуки возвещают об окончании комендантского часа – было пять часов утра.

Я протерла глаза и огляделась.

В помещении по-прежнему не горел свет. Госпожа Хегён все еще сидела в темноте, ее плечи были слегка ссутулены. Она напряженно прислушивалась, не послышатся ли шаги короля; на ее высоком лбу

поблескивали капли пота. Скоро весь дворец проснется и обнаружит, что наследный принц исчез. Значит, ее не ждет ничего хорошего.

Равно как и нас.

Двери у меня за спиной распахнулись так неожиданно и резко, что я непроизвольно обернулась. Перед нами стоял молодой евнух, он, тяжело дыша, пытался поправить на себе черную шляпу.

– Евнух Чхве, – обратилась к нему госпожа Хегён, – где его высочество? Я же велела тебе без него не возвращаться.

– Я... – Евнух тяжело дышал и вытирал пот со лба. – Я вошел во дворец, как только открыли ворота, госпожа. Принц уже на пути сюда.

Госпожа на секунду откинула голову назад, ее глаза были закрыты, лоб разгладился от охватившего ее облегчения.

– Иди и скажи его высочеству, пусть воспользуется задним окном в своих покоях, чтобы придворные дамы его не увидели. Я оставила то окно открытым. – Она ждала, но евнух продолжал стоять, где стоял, крепко сжав руки. – Что такое?

Евнух Чхве, сжав руки еще сильнее, проговорил:

– Страшная беда пришла в столицу, госпожа. Р-р-резня. Случилась резня.

Я затаила дыхание, от его слов у меня мороз пошел по коже.

– Что ты хочешь сказать? – не поняла госпожа Хегён.

– Я сопровождал его высочество сюда, и вдруг он сказал мне, что только что стал свидетелем совершенно ужасающего зрелища. Наследный принц был страшно потрясен, и потому его... – евнух Чхве, взглянув на дверь, быстро подошел к госпоже, – потому его настроение очень *переменчиво*. На вашем месте я бы сейчас же покинул павильон, госпожа, и вернулся в вашу резиденцию.

Я нахмурилась. Неужели госпожа в опасности?

Госпожа Хегён словно услышала мой немой вопрос, посмотрела на меня и, казалось, удивилась тому, что мы все еще стоим на коленях в покоях принца.

– Дворцовые ворота открыты. Так что идите отсюда. И если вам дороги ваши жизни, никому не рассказывайте о том, что видели и слышали.

Мы поклонились и ушли, стараясь ступать тихо. Мне не терпелось поговорить с Чиын; мы всегда сплетничали с ней о происходящем во дворце по пути домой – она жила неподалеку от северного района, а я у крепостных ворот.

Дверь за нами закрылась, но мы успели услышать голос евнуха Чхве:

– Госпожа, убиты четыре женщины. В Хёминсо.

Мое сердце сжалось при упоминании этого слова. Хёминсо. Для многих оно было лишь медицинским учреждением, я же считала его своим первым и единственным настоящим домом. Местом, где расцвели мои мечты о том, чтобы стать медсестрой и возвыситься над моим тогдашним положением в обществе. Возвыситься над Хён, внебрачной дочерью, простолюдинкой.

Я надеялась, что ослышалась, но потом посмотрела на Чиын, на ее полные ужаса глаза и открытый рот, и, слетев по каменным ступенькам, чуть было не врезалась в стоявших в ряд придворных дам. Я попыталась сделать глубокий вдох, но поперхнулась чем-то вроде, как мне показалось, осколков льда.

Медсестры из Хёминсо... мертвы... *убиты?*

Мои ноги сами собой быстро понесли меня вперед.

– Медсестра Хён, – услышала я голос врача Нансина, – во дворце не следует бегать...

– Простите, мне нужно идти. – И с этими словами я помчалась по двору, перепрыгивая с одной каменной ступеньки на другую, поскользываясь на насте. Я не сразу поняла, что Чиын бежит за мной следом и наши с ней сердца выстукивают одну и ту же мольбу.

Пожалуйста, пусть евнух ошибается. Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста.

* * *

Синий туман стелился над припорошенной снегом дорогой, жгучий мороз щипал уши и щеки, когда мы почти бежали по улице Тонхвамунро мимо спящих рыночных прилавков. Солнце еще не встало, и повсюду прятались густые тени. К тому времени, как мы добрались до Хёминсо – большого, обнесенного стеной комплекса с медицинским корпусом и просторными дворами, – мои зубы выбивали барабанную дробь.

– Подожди. – Чыын тронула меня за локоть. Около ворот собралась небольшая группа людей, среди которых был полицейский, чье лицо казалось красно-оранжевым в свете факела. – Разве это не дворцовая медсестра Инён?

– Медсестра Инён? С какой стати ей быть здесь?.. – Мой взгляд наткнулся на знакомое лицо. Это действительно оказалась медсестра Инён, закутанная в плащ из тонкой циновки, – лицо ее было бледным, глаза смотрели прямо перед собой. С порывом ветра она низко натянула рукава и поплотнее закуталась в плащ, но при этом все еще дрожала. Я была с ней едва знакома, знала лишь, что она на несколько лет старше. – Может, она расскажет нам, что произошло, – прошептала я.

Мы торопливо пробрались через толпу перешептывающихся людей. Когда мы подошли к медсестре Инён, я протянула руку, чтобы постучать ее по плечу, но она увернулась и исчезла в толпе. Мгновение спустя я увидела, как она шмыгнула в переулок, и я осталась наедине со своим к ней вопросом.

Кто умер?

Я развернулась и вытянула шею, чтобы заглянуть за спину охраняющему ворота полицейскому, чье копье блестело в свете факела. Во дворе на носилках лежали в ряд четыре тела, неподвижные под укрывающими их циновками. Я, скрестив руки, крепко обняла себя, чтобы сдержать подступающий приступ паники.

Но все же подошла еще ближе к трупам.

Чиын схватила меня за рукав.

– Ты куда?

– Мне нужно узнать, кого убили, – шепотом ответила я.

– Но это же место преступления, Хён-а!^[6]

– Возможно, мы можем помочь. Мы же когда-то учились в Хёминсо.

Я сделала еще шаг вперед, и стражник опустил копье, чтобы преградить мне путь.

– Назад! – прорычал он.

Чиын тут же отступила, но я осталась стоять на месте и смотрела во двор. Страх охватывал меня все сильнее.

– Давай *назад*, – снова потребовал полицейский.

С моих губ слетело:

– Но я медсестра. Я хочу осмотреть трупы.

Полицейский окинул меня оценивающим взглядом, и я знала, что он увидит: молодую женщину в голубом шелковом чогори, темно-синей юбке и длинном белом фартуке. Волосы мои были стянуты в узел ярко-красной лентой, а еще на мне была карима – черный коронообразный головной убор из шелка.

– Медсестра из Хёминсо? – спросил он.

– Нет. – Я предъявила жетон, служивший мне пропуском во дворец. – Я нэ-ыйнё.

Полицейский склонил голову набок и нахмурился. Полиции я была не нужна, чтобы осматривать трупы, у них имелось немало квалифицированных служанок – тамо^[7], которых посылали на такую работу в качестве наказания за плохие отметки. И все же полицейский отодвинул копье в сторону и спросил:

– Тебя прислали сюда?

Ни на секунду не засомневавшись, я солгала:

– Да, господин.

– Ну тогда приступай, если твой желудок вынесет это зрелище. Что за пес сотворил такое. – Это был не вопрос, а утверждение.

Стараясь выровнять дыхание, я вошла во двор и тут же почувствовала, что кровь застыла у меня в жилах. Я видела смерть и прежде, но она никогда не представала передо мной вот такой. Хотя четыре тела были укрыты циновками, я видела аккуратно причесанные волосы, кончики неподвижных пальцев и подола форменных юбок.

Я вздрогнула, заведя свет в закрытых экранами окнах – очевидно, стражники осматривали главное помещение. Свет замер на месте – осветил кровавые подтеки на экранах, а затем вылился из окон во двор и позолотил солому циновок.

Я вдыхала и выдыхала со свистом, сидя на корточках перед трупами. Потом взялась за край одной из циновок и дрожащими руками потянула ее вниз. От звука, который издала запекающаяся кровь, у меня по телу побежали мурашки. Я будто сдирала толстую мерзкую пленку, образовавшуюся на трупах. Я снова потянула циновку, и обнажились высокий лоб, узкое лицо с открытыми глазами и рот, разинутый словно в безмолвном крике.

Это была девятнадцатилетняя Питна, учившаяся на медсестру. У меня в ушах зазвенел ее голос: «Хён-а! Можно взять твои конспекты по тексту «Инджэджикчимэк»?»

Мне потребовалось несколько изматывающих секунд, чтобы успокоиться, и я продолжила тянуть циновку, но остановилась при виде двух кровавых разрезов – один шел по горлу, другой, более длинный, по груди. Ногти у убитой были красными. Она, видимо, отчаянно сопротивлялась убийце.

Мне пришлось закрыть глаза, чтобы преодолеть охвативший меня ледяной ужас, подождать, пока сердцебиение не придет в норму, а дыхание не выровняется. А затем я начала осматривать другие тела.

С краю лежал труп двадцатилетней Ынчхэ, еще одной медсестры, с которой я работала в Хёминсо. В следующем месяце она должна была выйти замуж. В кулаке у нее был зажат клочок волос. Нос отливал багровым – под кожей скопилась кровь. В животе была колотая рана. И такой же, как у Питны, разрез на шее.

Следующий труп принадлежал старшей медсестре Хиджин. Она была одной из немногих, кто помогал отстающим в учебе. Недавно она рассказала мне о своей маленькой племяннице, о том, какую радость она испытывала, держа ее на руках. Спина пожилой женщины была исполосована – видимо, она пыталась убежать. И у нее была такая же, как у девушек, рана на горле.

Когда я перешла к последнему трупу под циновкой, глаза мне уже заливал холодный пот, который я пыталась сморгнуть, а сидела я прямо на земле, потому что ноги меня больше не держали. Я глубоко дышала, чтобы сдержать рыдания. Я знала, кто стал четвертой жертвой, даже не видя ее лица: наверняка это медсестра Чонсу. Она целых десять лет была моей наставницей, я считала ее старшей сестрой. И это она часто вела занятия по утру.

Я судорожно вдохнула и отодвинула циновку.

И какое-то время в смятении смотрела на труп. Это была не моя учительница, а женщина, одетая в темно-синюю мусури, форму дворцовой рабыни.

Когда я поняла это, у меня в голове, за глазом, запульсировала острая боль: я знала лежащую передо мной женщину. Это была придворная дама по имени Анби. Я видела ее прежде: она прислуживала одной из королевских наложниц, госпоже Мун. Ей было примерно столько же лет, сколько и мне. Но с какой стати придворная дама оказалась здесь, да еще одетая как рабыня? Почему она встретила свою смерть за пределами дворца? Придворные дамы считались «женщинами короля» – им было запрещено выходить замуж и покидать дворец. Непослушание сурово наказывалось, иногда нарушительниц даже предавали смерти.

На лицо мне упала выбившаяся из прически прядь волос. Я убрала ее и присмотрелась к телу Анби получше. Судя по всему, ей пронзили грудь. Рана была не такой кровавой, как у остальных женщин, нанесена она была каким-то оружием меньшего размера. А

потом ее убили одним ударом в горло. Следов борьбы не было – по крайней мере, на первый взгляд я ничего не заметила.

– Значит, ты хочешь сказать, что ничего не видела, – раздался громкий бухающий голос из одного из медицинских кабинетов. Мой взгляд метнулся вверх. На фоне светящегося круга от фонаря на дверном экране вырисовывался силуэт чьей-то мощной фигуры. – Ты уверена?

Я поспешила к зданию, а затем обошла его и оказалась на заднем дворе, вне поля зрения полицейского у ворот. Подойдя как можно ближе к зарешеченному окну, я убедилась, что не отбрасываю на него тень.

– Я, должно быть, заснула, командир Сон.

Мои брови сошлись на переносице. *Медсестра Чонсу?*

– Заснула? – переспросил командир.

– С ученицами занималась медсестра Хиджин, а я так устала, что решила пойти отдохнуть в другую комнату. Вчера я дважды помогла принять роды и совершенно вымоталась.

– Роды. – В его голосе прозвучала откровенная злоба. – С какой стати матери доверяют их тебе, выше моего понимания. Ты безответственно относишься к жизням других...

– Командир, – сделала еще одну попытку медсестра Чонсу, – я не способна нанести вред кому-либо из медсестер. Мы отлично ладим, я помогаю им в учебе. Мы часто встречаемся поздно вечером или рано утром для дополнительных занятий. Пожалуйста, подумайте над этим спокойно. Я тоже хочу, чтобы справедливость восторжествовала.

– Я само спокойствие, – прошипел Сон. – И я узнаю все, что ты утаиваешь от меня. Я *уверен*: ты что-то скрываешь. – Его тень сделала угрожающий шаг вперед. – У тебя были секреты от меня двенадцать лет тому назад, и я не сомневаюсь, что сейчас они у тебя тоже имеются.

Мне хотелось отодвинуть экран и сказать командиру Сону, что он зря теряет время. Любой человек в Ханяне^[8] – столице Чосона –

непрерывно скажет, что медсестра Чонсу милосердна и добра. Даже госпожа Хегён благожелательно отзывалась о ней этим утром. Подлинный убийца все еще на свободе...

Я замерла на месте. Кожу спины покалывало, я чувствовала, что за мной наблюдают. Я медленно посмотрела через плечо, надеясь увидеть одно только небо, серо-голубое небо над черным ландшафтом.

Но вместо этого мой взгляд заскользил по соломенным ботинкам, затем по пыльным белым штанам и наконец по залатанной куртке какого-то незнакомца. Сердце забило как безумное, и я стояла и смотрела на спокойное лицо, покрытое пятнами грязи. Косые брови четко выделялись на фоне загорелой кожи, черные волосы были стянуты в пучок. Молодой мужчина был высоким, худым и, судя по впалым щекам, давно не ел. Наверное, это пришедший в Хёминсо за медицинской помощью крестьянин.

– Что тебе нужно? – шепотом спросила я.

Его взгляд, твердый, как и его голос, остановился на мне.

– Это место преступления.

Он наверняка работает в отделении полиции, подумала я. Возможно, слугой. Того и гляди крикнет, что на задний двор проникла подозрительная особа.

– Я медсестра, и меня пустил сюда полицейский, – сказала я, глядя ему в глаза. – Если хочешь, можешь спросить у него.

– Ты медсестра из Хёминсо?

– Из королевского дворца, – прояснила я. – Но я когда-то училась здесь.

У него между бровями залегла неглубокая морщинка.

– Ты знаешь подозреваемую?

Я моргнула при слове «подозреваемая».

– Она моя наставница.

– Твоя наставница... – Его взгляд скользнул поверх меня к экрану, который отделял меня от командира Сона. – Командиру вряд ли понравится, что ученица главной подозреваемой подслушивает.

– Я не подслушивала, – выпалила я. – Я хотела уйти. Но тут услышала голоса, и мне стало интересно, чьи они и откуда доносятся. Кроме того, меня *пустил* сюда полицейский. Ты сам можешь его спросить...

– Свяжите ее. – Раздавшийся голос командира Сона заставил меня вздрогнуть. – И отведите в тюремный участок. Ее расспросят позже. – Затем его тень обратилась к тени медсестры Чонсу: – Если будешь сотрудничать с нами, допрос окажется недолгим и через несколько дней ты вернешься в Хёминсо. Как я уже сказал, все зависит от твоей готовности помогать нам.

Послышался шелест ткани, ни один звук не говорил о сопротивлении, медсестра Чонсу позволила взять себя под стражу. Пол под ногами командира закрипел – он ушел. А потом его громоподобный рык послышался откуда-то из другой части Хёминсо:

– Стражник Квон, продолжай допрашивать свидетельниц. А остальные пусть ищут оружие убийств.

Я посмотрела на полицейского-слугу.

– Думаю, мне следует уйти.

– А я думаю, тебе следует пройти со мной на главный двор.

– Думаю, этого мне делать не следует. – Я попыталась уйти, но он столь внезапно преградил мне путь, что мой взгляд вдруг уперся ему в грудь, а мой нос чуть не уткнулся в его грязную одежду. – Дай мне пройти. Я *дворцовая* медсестра.

– Нам необходимо допросить всех, кто оказался рядом с местом преступления и имеет к нему то или иное отношение.

– Я не имею к нему никакого отношения, – заверила его я. – Я только-только пришла сюда.

– Ну, можешь объяснить это командиру...

– Подожди, – сказала я, лихорадочно размышляя. Я залезла в карман фартука, достала монету и протянула ему. – Вот, возьми.

Он, опустив ресницы, смотрел на блестящую денежку.

– За взятку можно угодить на виселицу.

Я медленно выдохнула.

– И что тогда тебе нужно? Ведь ты, конечно же, чего-то от меня хочешь.

– Свидетельских показаний, – просто ответил он. – Вот и все.

Он был честным служакой, по всей вероятности, преданным командиру.

– Ты дашь мне уйти, если я расскажу тебе что-нибудь важное об этом деле? Сможешь похвастаться перед командиром, скажешь, что сам до этого додумался.

– Вряд ли ты можешь сообщить мне что-то важное... – Моя карима всколыхнулась, и он перевел взгляд на черный шелк, танцующий над моей макушкой. Потом сложил руки за спиной, по всей видимости передумав. – Ладно. Расскажи мне, что знаешь.

Я засунула монету обратно в карман и, собираясь с мыслями, перелистала в уме все медицинские судебные отчеты, которые читала и запомнила. При этом я старалась не выпускать из поля зрения командира и других полицейских.

– Колотые раны всегда выглядят неаккуратными, вокруг них обычно имеются порезы. Но, увидев четвертую жертву, одетую в синюю форму, я сразу же заметила, что следы сопротивления у нее отсутствуют. Был нанесен всего один – очень точный – удар в горло. Убийца четко знал, куда ударить, чтобы убить наверняка. И мне кажется, это о многом говорит. Кроме того, рана была нанесена оружием меньшего размера, чем то, которым были убиты остальные жертвы.

Я замолкла, осознав, что полицейский-слуга не произнес ни слова и даже не моргнул, напряженно взирая на меня темными глазами. Я постаралась не отводить взгляда.

– Откуда тебе все это известно? – тихо спросил он.

– Я медсестра, – напомнила ему я.

– Ты медсестра, – повторил он за мной, – а не следователь.

– Ыйнё вполне себе следователи, когда речь идет о человеческих телах...

Поблизости захрустели по снегу чьи-то шаги.

– *Что?* – эхом отозвался в холодном рассветном воздухе голос командира Сона. – Вы пустили на место преступления женщину? И где она сейчас?

Я посмотрела на полицейского-слугу, и мое сердце заколотилось как сумасшедшее. Он мог выдать меня командиру, достаточно одного его слова...

Но вместо этого он прошептал:

– Тебе нужно идти.

Я моментально рванула к окружавшей Хёминсо каменной стене, но она была слишком высокой, чтобы я могла перелезть через нее. Я обернулась и робко посмотрела на слугу.

– Пожалуйста, помоги мне взобраться на стену.

Он не понял:

– Как?

– Подставь спину.

– Спину... чтобы ты залезла на нее?

– Быстрее... – прошептала я. – Он идет сюда!

Слуга стоял неподвижно.

– Тогда я сама заберусь, – тяжело вздохнув, пробормотала я.

Вытерев об одежду влажные ладони, я разбежалась, прыгнула и ухватилась за ледяную стену, выложенную черепицей. Я изо всех сил пыталась подтянуться, мои колени терлись о камни, но пальцы соскользнули, и я снова оказалась на земле.

– Медсестра из дворца? – Голос командира Сона приближался. – Как она выглядит?

Нужно было выбираться со двора. Немедленно.

Я сгруппировалась и прыгнула еще раз. Опять подтянулась, и мне удалось увидеть, что было за стеной. Я пыталась собраться с силами, по моему лбу струился пот. Руки дрожали, пальцы болели. Внезапно чьи-то сильные руки подхватили меня за талию и легко приподняли в воздухе – достаточно высоко, чтобы я смогла перекинуть через стену ногу. Я оглянулась на молодого человека и встретила его серьезный взгляд.

– Держись отсюда подальше, если это в твоих силах. – Его слова прозвучали одновременно как предупреждение и как угроза. – Я бы предпочел больше не видеть тебя на месте преступления, иначе твоя жизнь может пойти прахом.

Я нахмурила брови. Я не понимала толком, о чем это он.

– Конечно, – прошептала я в ответ. – Я очень сомневаюсь, что наши пути когда-нибудь пересекутся еще раз.

Завидев полицейскую шляпу командира Сона, я перемахнула через стену и приземлилась по другую сторону, а затем прижалась к ней спиной; биение сердца отдавалось у меня в ушах. Командир и его подчиненный тихо переговорили друг с другом, а потом их шаги стали удаляться. У меня вырвался вздох облегчения: я была в безопасности. Но в наступившей тишине ко мне быстро вернулось осознание происходящего.

Убиты четыре женщины.

Клок волос в руке у одной из них, кровь под ногтями у другой. Все говорило о том, как отчаянно они хотели жить, и все же их убили.

Кто же оказался таким невероятно жестоким? Таким злодеем?

Я провела по лицу рукой и огляделась. Все было как прежде: море глинобитных хижин с заснеженными соломенными крышами, пронизывающие столицу грязные дороги, темные очертания охраняющих нас гор. И все же у меня было такое чувство, будто, перебравшись через стену, я очутилась в кошмарном сне. Воздух казался тугим от запаха опасности, лица убитых стояли у меня перед глазами, и небо виделось красно-синим.

«И что ты будешь теперь делать? – Я неотвязно думала о медсестре Чонсу. – Что ты будешь делать?»

Я отстранилась от стены и пошла, колени у меня подгибались, я то и дело спотыкалась. Поискав глазами Чиын и не найдя ее, я направилась через восточные ворота к дому. Все вокруг казалось неправильным, странным и резким. Проходя мимо мясника, разделывающего тушу, я вздрогнула и поняла, что готова расплакаться.

Кто убил этих женщин? Что могло подтолкнуть убийцу к злодеянию? Грязные морщинистые лица встречных людей казались мне размытыми, и мужчины, женщины, дети – все они пронзали меня взглядами черных глаз-бусин.

Я ступила в мир, у которого были от меня ужасные секреты.

2

Свеча догорела. Только что рассвело, и мне не хотелось выходить из комнаты и беспокоить домашних, отыскивая другую свечу. Мой пятилетний брат Тэ-хён, скорее всего, крепко спал, а что касается мамы... Ну, я вечно избегала ее – не хотела созерцать ту напряженную неподвижность, с которой она ждала отца. Он приходил редко, предпочитая делить свое время между женой и новой любовницей. А мама не имела для него особого значения.

Тихо придвигая низкий столик к окну, я шептала свою мантру:

– Я никогда не стану похожа на мать.

Я не полюблю, пока не стану любима, любима как никто другой.

Я вообще никем не стану, если не смогу стать первой.

Я не стану, подобно матери, молча сидеть и попусту тратить время, пока жизнь проходит мимо. Я твердо намеревалась быть услышанной, стремилась к тому, чтобы со мной считались. Потому и продолжила писать письмо командиру Сону – черными чернилами по светлой бумаге, мелким, аккуратным почерком. Широкие рукава чогори я закатала, чтобы не размазывать написанное.

Я писала уже четвертую страницу, свидетельствуя о доброте медсестры Чонсу, о ее неспособности убить, и неожиданно для себя обнаружила, что все глубже и глубже погружаюсь в прошлое. Мне снова восемь лет, и я дрожу рядом с кибаном^[9], домом свиданий, где меня посреди зимы бросила собственная мать, считавшая, что у меня нет иного будущего, кроме как стать кисэн – развлекающей мужчин артисткой. Она велела мне ждать до тех пор, пока отвергшая меня хозяйка не передумает и не пустит внутрь. Но двери в дом оставались закрытыми, и никто за мной не пришел, а потом рядом опустилась на корточки медсестра Чонсу и взяла мое замерзшее лицо в свои ладони.

– Я ыйнё. – Такими были ее первые обращенные ко мне слова. – Теперь ты не одинока. – И она несла меня всю дорогу до Хёминсо.

Сестре Чонсу было тогда всего восемнадцать лет.

Как мне сейчас.

Несколько раз прервавшись, чтобы помассировать скрючивающиеся пальцы, я наконец посмотрела в окно и обнаружила, что небо просветлело. У меня был выходной – во дворце я работала через день, как и многие другие медсестры. И потому у меня будет время присутствовать на допросах в отделении полиции – их проведут сегодня, пока свидетельские показания еще свежи.

Я сделала глоток остывшего ячменного чая и написала последнюю строчку моего послания командиру Сону:

Если бы вы знали ее так же хорошо, как знаю я, то не сомневались бы в ее невиновности.

Подождав, пока чернила высохнут, я сложила письмо. Наскоро умывшись и переодевшись, я быстрым шагом вышла из дома и через полчаса очутилась перед крепостными воротами.

Пока стражник изучал мой жетон, я смотрела вверх. Высоко, по парапету крепости, ходил кругами одетый в красный халат солдат, и я стала гадать, что он оттуда видит и не кажется ли ему, что после столь кровавой ночи королевство стало другим.

Стражник вернул мне жетон.

– Можешь проходить. – Из его рта вылетело облачко пара.

Я тут же прошла через ворота; все мои чувства были обострены до предела. Где-то в городе все еще скрывался убийца. По обе стороны от меня тянулись бесконечные ряды хижин, в которых жили усталые, недоедающие люди; облачившись в белые халаты, они курили трубки. Я посторонилась, пропуская бегущих детей. Навстречу мне шли женщины с корзинами на головах и привязанными к спинам младенцами, за кем-то из них шагали дети постарше, нагруженные вязанками соломы.

– Прочь с дороги! – кричали слуги. – Дорогу моему господину!

И нужно было, стоя в грязи, низко кланяться благородным людям. Поэтому я свернула в переулок Пхиматколь – узенькую улочку, по которой предпочитали передвигаться пешеходы вроде меня, не желавшие кланяться и потом очищать грязь от свежестыранной одежды. Приблизившись к отделению полиции, я снова вышла на главную дорогу и остановилась.

Мое внимание привлекла толпа у стены. Трудно было не услышать висящий в воздухе шепот, не заметить пальцы, указывающие на листы бумаги на стене. Когда униженные и притесняемые хотели, чтобы их слышали, они вывешивали на стенах анонимные листовки. Говорить в открытую было нельзя, дело могло кончиться смертной казнью.

– Что здесь написано? – спросил какой-то крестьянин.

– Не знаю, – ответил другой. – Я не умею читать.

– Никто из нас не умеет! О чем здесь сказано?

Я пробралась сквозь скопление людей и взглянула на объявление. Оно было написано ханча^[10], то есть предназначалось лишь для людей благородного происхождения, для наделенных властью. Но я умела читать на классическом китайском и потому сделала несколько шагов вперед. И застыла на месте.

Наследный принц убил...

Неожиданно толпа разделилась на несколько частей. Люди начали кричать и хватать ртом воздух, в толпу втиснулись фигуры в черных шляпах и черных халатах, размахивающие дубинками. Полиция. Один из полицейских так сильно пихнул меня, что у меня клацнули зубы, а сама я врезалась в стену. Но боли я не почувствовала – так сильно потрясли меня прочитанные слова и страх в глазах полицейских, срывавших листовки.

Я вжалась в стену – ноги меня не держали. Перед глазами встали темные покои наследного принца, покои, шептавшие об его отсутствии. Его высочество тайком покинул дворец и вернулся в него, став свидетелем резни.

Наследный принц убил... Кого? Кого он убил?

* * *

Я ворвалась в отделение полиции и увидела перед павильоном пустой стул для допрашиваемых. В центре же высокой деревянной террасы сидел командир Сон.

Это был крупный старик с рыкающим голосом и седой тощей бороденкой. Оперившись локтем о ручку кресла, он постукивал себя пальцами по щеке. И ждал. Ждала и толпа зевак, собравшаяся вокруг стула для допрашиваемых.

– Ты выглядишь больной.

Я, опешив, огляделась и встретилась взглядом с дворцовой медсестрой Инён, которую я видела рядом с местом преступления. Это была высокая и стройная молодая женщина лет двадцати пяти, лицо ее было бледным, словно освещенные луной лепестки, – а может, она просто нанесла на лицо больше пудры чибун, чем обычно. Инён казалась женщиной хрупкой, но когда она потянула меня в сторону, чтобы на меня не налетел проходивший мимо полицейский, я почувствовал, какие сильные у нее руки.

– Ты давно здесь? – спросила я.

– С начала допроса.

– А он давно начался?

– Уже дали показания все свидетели, в том числе и члены семьи *подозреваемой*.

Последнее слово она произнесла так, будто тоже не верила в виновность медсестры Чонсу.

– Ты считаешь, моя наставница невиновна? – неуверенно спросила я.

– Твоя наставница? – Она выдохнула и покачала головой: – Я свидетельница. Это я сообщила о преступлении.

Мои брови взлетели вверх.

– А что ты видела?

– Это длинная история, – пробормотала она. – Незадолго до конца комендантского часа я поняла вдруг, что моего пьянчуги отца нет дома, и пошла за ним в игорный дом, где он завсегда. Мне не хотелось, чтобы он, как обычно, спустил те небольшие деньги, что у него были. В наше голодное время... – Она покачала головой. – Я забрала его оттуда, он на меня разозлился и пошел домой один. И тут я увидела, как по улице бежит придворная дама Анби. Она, казалось, очень чего-то боялась, все время оглядывалась и даже не попросила помощи у патрульного.

– И дело кончилось тем, что она мертва, – сказала я себе под нос. – А полиции известно, что она была придворной дамой, а не служанкой?

– Да, я сказала им об этом... – Ее голос умолк, а взгляд помутнел, словно она мысленно вернулась в предрассветные часы. – Я пошла следом за Анби, поскольку знала, что ей запрещено находиться за дворцовыми стенами. Затем я потеряла ее из виду. Какое-то время я старалась ее найти, но потом решила пойти домой. И тут услышала женские крики.

Инён судорожно выдохнула.

– Когда я пришла, все уже стихло. Ворота были открыты, и я заглянула внутрь... – Она зажала рот рукой и, казалось, вот-вот упадет в обморок. – В жизни не видела ничего столь ужасного.

Толпа тем временем исступленно зашептала. Я проследила за взглядами людей и увидела медсестру Чонсу, выставленную на всеобщее обозрение, она была не в форме ынё, а в простом белом халате. Она шагала не громче, чем падают снежные хлопья. Время замедлило свой бег. Я пыталась узнать женщину, учившую и наставлявшую меня добрую половину моей жизни, женщину, которую я обожала. Когда я была маленькой, она напоминала мне волшебницу, спустившуюся с облаков. Ее глаза всегда ярко блестели, как звезды безоблачной ночью. Но сегодня она выглядела отрешенной и зачехшей.

Напряжение в воздухе росло, давило на нас, и все мы, затаив дыхание, ждали, что будет дальше. По обе стороны от медсестры Чонсу стояли два стражника, держа наготове толстые деревянные дубинки, ее же привязали к стулу для допрашиваемых.

Мне хотелось закрыть глаза. Питки в полиции были делом обычным – настолько обычным, что королю Ёнджо даже приходилось вмешиваться в полицейские дела, чтобы предотвратить безжалостное избиение взятых под стражу людей. Его величество пытался ограничить наказания тридцатью ударами и ввести правило, согласно которому заключенных можно было избивать только раз в три дня. Но мы, низкорожденные, знали, что полиция не выполняет предписаний его величества и часто забивает подозреваемых до смерти.

«Пожалуйста, – молила я небеса, – защитите медсестру Чонсу».

– Незадолго до окончания комендантского часа, в предрассветные часы, – гремел с террасы голос командира Сона, – разные свидетели, как они заявляют, слышали доносящиеся из Хёминсо крики. Матери двух жертв утверждают, что их дочери ушли из дома пораньше, чтобы дополнительно позаниматься со старшей медсестрой Хиджин, которую также обнаружили мертвой.

Он повернулся к медсестре Чонсу:

– Ты говорила, что тоже отправилась в Хёминсо, чтобы помочь ученицам?

– Да, – напряженно ответила медсестра Чонсу. – Это так.

– Во сколько?

– Мы часто открываем ворота для тех, кто учится на медсестер, за час до окончания комендантского часа.

– Значит, в четыре утра, в час тигра?

– Да.

– Тогда почему трое твоих соседей утверждают, что видели, как ты уходишь из дома в полночь? Куда ты направилась? Домой ты после этого не возвращалась.

Медсестра Чонсу помедлила с ответом, она была очень бледна.

– Нет ничего преступного в том, что женщина ночью находится вне дома.

И это было правдой. Женщинам разрешалось ходить по улицам во время комендантского часа; это запрещалось только мужчинам, поскольку считалось, что ночью они представляют опасность для города. Так что медсестра Чонсу не совершила ничего предосудительного.

– Повторяю вопрос, – повысил голос командир Сон. – Где ты была между полночью и четырьмя часами утра, когда, по твоим словам, ты пришла в Хёминсо?

– Я... я гуляла, – ответила медсестра после довольно продолжительного молчания.

– Целых четыре часа?

– Мне надо было о многом подумать, господин.

Локоть командира оставался на подлокотнике кресла, пальцы по-прежнему постукивали по щеке.

– Возможно, в эти часы ты планировала убийство. Возможно, встречалась со своим сообщником.

– У вас слишком богатое воображение, господин. – Ее голос задрожал, и я не понимала, что причина тому – гнев или ужас. – Мне незачем было их убивать...

– Когда мы нашли тебя, ты была вся в крови, – сказал командир Сон. – Твои руки пропитались ею. Если ты невиновна, скажи мне: может ли кто-нибудь подтвердить твои показания о том, что ты делала с полночи и до четырех утра?

Она не отрывала взгляда своих покрасневших глаз от земли.

– Нет.

«Медсестра Чонсу, – мысленно молила я свою учительницу, – защищайте себя!»

– У меня не было причин убивать учениц. Мы были близкими подругами со старшей медсестрой. А что касается молодой придворной дамы, то я никогда ее не видела.

– Ты лжешь, медсестра Чонсу, – прорычал командир Сон. – Скрываешь что-то от полиции. Заявляешь, что ночью спала, но как можно было спать, если, согласно свидетельским показаниям, вся столица слышала громкие крики?

Толпа вокруг меня согласно зашептала.

– Полицейские осмотрели место происшествия и нашли среди прочего якчакту.

Командир жестом подозвал одного из полицейских, и тот выступил вперед, держа длинный прямой клинок с деревянной ручкой. Это был нож для трав, и он весь был в крови.

– Ты не могла убить этих четырех женщин в одиночку. Кто-то, должно быть, помог тебе выманить восемнадцатилетнюю придворную даму из дворца, – продолжал командир Сон. – Кто это был? Кто тебе помогал?

Медсестра Чонсу сильно сжала зубы:

– Я не... – Ее голос надломился, как и мое сердце. – Я никому не причинила вреда.

Командир Сон подался вперед, положив руки на колени, и теперь казалось, будто он смотрит сверху вниз на маленькую девочку.

– Если ты в ближайшие дни не заговоришь, если не будешь сотрудничать с нами, я прикажу стражникам бить тебя по тех пор, пока ты не свалишься с ног, пока они не раздробят тебе кости. – И тихо добавил: – И тогда ты начнешь говорить. Все мерзавцы, с которыми мне приходится иметь дело, в конце концов признаются в содеянном. От тебя зависит, как и когда сказать правду. Сознаешься добровольно? Или во время пыток?

– Какой смысл что-то вам говорить? – выпалила наконец медсестра Чонсу, вздернув подбородок, ее взгляд резал не хуже кинжала. Теперь я узнавала свою наставницу. – Вы все равно не оставите меня в живых. – Тут в ее глазах мелькнул страх, голос дрогнул, но она решительно сжала в кулаки руки, связанные за спинкой стула. – Если люди запомнят меня, то я хочу, чтобы меня

запомнили именно такой. *Такой*, – повторила она сдавленным голосом.

О чем она говорила? У меня было великое множество вопросов, но командир Сон уже широко махнул рукой:

– Уберите ее с глаз моих долой!

* * *

Когда допрос закончился, я проскользнула во внутренний двор для слуг и стала высматривать знакомые лица, кого-то, кому можно было доверять, кого можно было бы попросить передать мое письмо командиру Сону. Я искала полицейского-слугу, описывая его другим как молодого человека с хмурым взглядом, одетого как крестьянин, но удостоилась в ответ лишь косых взглядов и в конце концов обратила свое внимание на выходящую из кухни тамо. Ее звали Сульби; она училась вместе со мной в Хёминсо и, как все тамо, оказалась здесь, потому что трижды завалила экзамены.

– Сульби-я.

Она повернулась ко мне. На ее призрачно-бледное лицо упала прядь волос.

– Хён-а, – сказала она, изумленно глядя на меня и моргая. – Поверить не могу, что мне пришлось запереть медсестру Чонсу в тюремную камеру. Ладно кого другого, но ее?

Мою грудь стеснила обжигающая боль.

– Ты считаешь, она невиновна?

– Да, – шепотом ответила Сульби. – Мы ее знаем. Она не способна на такое.

– Я тоже так думаю...

– Я очень волнуюсь, Хён-а. У командира на нее зуб.

У меня скрутило желудок.

– Ты о чем?

– Много лет тому назад медсестра Чонсу не смогла спасти его жену и сына во время родов. И он так ее и не простил. Особенно его возмутило то, что она пыталась помочь появиться на свет младенцу, имея за плечами довольно мало опыта.

– Но у нас у всех поначалу нет опыта.

Сульби закусила нижнюю губу, а затем помотала головой.

– Медсестра солгала командиру, сказала, что она опытнее, чем была на самом деле. Хотела хорошо показать себя перед одноклассницами.

– Но сейчас речь идет об *убийстве*, – выдохнула я. – И командир, разумеется, не позволит дать волю своим чувствам. Он же не хочет, чтобы настоящий убийца разгуливал на свободе.

– А может, и хочет.

Мой брови полезли вверх:

– С какой стати?

Сульби вытерла влажный лоб и огляделась.

– Никому не говори, что я тебе это рассказала. Клянешься? Я тебе доверяю; мне всегда хотелось быть твоей подругой, ведь я видела... за что бы ты ни взялась, ты во всем достигала совершенства, – прошептала она, и я заерзала от смущения. – И никогда не ошибаешься.

Именно к этому я и стремилась в жизни – никогда не ошибаться. Ведь вся моя жизнь была ошибкой – я родилась девочкой, да еще и вне брака. Мне нельзя было больше ошибаться.

– Листовки развешаны по всей столице, – сказала она, и я вспомнила толпу и полицейских. – В них говорится, что женщин в Хёминсо убил наследный принц.

Я начала задыхаться, мне с большим трудом удавалось сохранять спокойное выражение лица.

– Это не может быть правдой, конечно же, – сказала она самым что ни на есть обычным тоном. – Большинство людей за пределами дворца не знают даже, как принц выглядит. Так что как они могли его узнать?

«Но в Хёминсо была убита придворная дама госпожа Анби, женщина из дворца», – подумала я. И ее смерть, разумеется, оставила за собой кровавый след, ведущий во дворец.

– Это явно какой-то заговор, я уверена в этом. – Сульби убежденно кивнула, словно знала, о чем говорит. – В столице вечно так. Кто-то всегда пытается одержать над кем-то верх. Может, это противник принца из партии старых. Кроме того, принцу не разрешается покидать дворец в одиночку, верно ведь?

– Да, – шепотом ответила я. И опустила взгляд, дабы скрыть, что принц действительно исчезал куда-то в ночь резни.

Я прижала пальцы к глазам и тихо выдохнула, стараясь прогнать предчувствие беды. Резня в Хёминсо пахла ужасающим королевским скандалом, способным с легкостью привести к смерти медсестры Чонсу. Я стряхнула с себя оцепенение и протянула Сульби написанное мной письмо.

– Пожалуйста, сделай одолжение, отнеси это командиру Сону...

– Пэк-хён, – раздался позади меня ледяной, ужасающе знакомый голос. – Кто что кому должен отнести?

Глаза Сульби расширились от охватившей ее паники – той же, что чувствовала и я, и когда она низко поклонилась, а потом рванула с места, мне захотелось исчезнуть вместе с ней. Я не глядя знала, чья тень накрыла меня. Это был мой отец, человек, которого мне было запрещено называть отцом. В нашем королевстве незаконнорожденные дети принадлежат матерям, а не мужчинам, их зачавшим.

– Господин Син, – прошептала я, медленно оборачиваясь.

Мой отец был облачен в темно-красный шелковый халат, на голове – высокая шляпа. Мне не следовало удивляться, увидев его здесь: он служил в Министерстве юстиции, и его долгом было следить за тем, чтобы все всюду делалось по справедливости.

Я медленно отвесила поклон и замерла.

– Я увидел, как ты шмыгнула сюда, и пошел за тобой. – Голос у него был холодный, но в нем звучал намек на любопытство. – Что ты

делаешь здесь, вдали от всех?

– Я... – Мой мозг лихорадочно искал правильный ответ. – Я надеялась найти кого-нибудь, кто мог бы передать письмо командиру Сону. Я хочу помочь медсестре Чонсу, – лепетала я, пытаюсь предстать в его глазах преданной ученицей. – Она невиновна, мой господин. У меня нет в этом ни малейших сомнений. Если бы командир знал ее, то не стал бы...

Краем глаза я увидела, что отец выставил вперед руку.

– Отдай его мне, – спокойно сказал он. Я, послушно протянув ему листок, стояла и слушала, как бешено колотится сердце в моей груди.

Утренний холод пронизывал меня до мозга костей, пока отец внимательно читал письмо, но я не осмеливалась даже пошевелиться, даже моргнуть. Отца я боялась больше, чем тигров. Тигр может съесть меня, отец же способен разрушить самую мою душу.

К тому же в последний раз я разговаривала с ним пять лет тому назад.

Эти пять лет я провела в ожидании, что мельком увижу его где-нибудь в столице; и действительно иногда лицезрела родителя либо верхом на лошади, либо в паланкине, который несли слуги, кричавшие нам, проходим, чтобы мы уступили дорогу его светлости Сину. Крестьяне низко кланялись ему на улицах, я тоже подобострастно отвешивала поклоны, меня обдавало грязью из-под копыт его лошади. Отцы, подобные ему, правили королевством. Мужчины, подобные ему, определяли, кто достоин почтения, а кто нет.

Наконец отец вернул мне письмо. Я, задержав дыхание, ждала, что он скажет. Согласен ли он со мной?

– Это не доказательство, – пронзили меня его слова. – Командиру нужны доказательства, а написанное тобой – всего лишь шквал эмоций, и письмо твое рыхлое и неумное.

Я крепко сжала письмо в руке, мне хотелось его порвать, лишь бы отец больше его не видел.

– Есть много гораздо более важных вещей, на которых тебе нужно сосредоточиться. Я слышал, ты стала дворцовой медсестрой.

Прогнав из голоса боль, я умудрилась пробормотать:

– Да, мой господин.

– Тогда я быстренько сыграю роль твоего отца и дам тебе один совет. – Легкий ветерок шевелил полами его халата, и они вздымались так, что становились видны кожаные ботинки. – Перестань беспокоиться о судьбе медсестры Чонсу. Она тебе не мать. Не сестра. Ты не несешь ответственность за ее жизнь.

Я не отрывала глаз от земли, сердце болело, а желудок завязывался узлом от его слов.

– Ты обычная простолюдинка, но стала дворцовой медсестрой. Для тебя это прекрасная возможность, один шанс из тысячи. Так что не вздумай отвлекаться. Не вмешивайся в политику. Иначе твое будущее окажется под угрозой.

– Да, – прошептала я в ответ.

Отец повернулся, чтобы уйти, но внезапно остановился. Он сложил руки за спиной, и я почувствовала, что его хмурый взгляд устремлен на меня.

– Пообещай не высовываться. Не мешай командиру делать его работу. Помни: ты – всего лишь девчонка и ничем не можешь ему помочь.

Я продолжала кланяться, пока отец не ушел. Как только он скрылся из виду, я равнодушно разорвала письмо и бросила обрывки на землю.

Я жаждала быть совершенством в глазах отца, и это стремление заставляло меня смотреть на молодых аристократок как на соперниц. Именно ради этого я изучила все нужные книги. Родись я мальчиком, с легкостью сдала бы требуемый экзамен и поступила бы на государственную службу. «Великое учение», «Чжун юн», «Лунь юй», «Мэн-цзы»^[11]. Я и сейчас продолжала заучивать эти тексты

наизусть, читала их в свободное время, пыталась наполнить ум тем знанием, что они давали, стать ими, насколько это было возможно.

Я хотела стать человеком, достойным внимания отца.

Но сегодня я лишь продемонстрировала ему свою ущербность. «Это не доказательство», – сказал он.

А что же тогда доказательство?

Я не намеревалась найти убийцу; я хотела лишь, чтобы командир Сон перестал гневаться на мою наставницу. И я докажу отцу, что кое на что я способна. Я не могу ждать любви и признания. Я должна заслужить их упорным трудом.

Я положила руку на створку ворот и огляделась, гадая, где тут тюрьма – то мрачное место, куда отвели медсестру Чонсу. Она что-то знала, в этом не было никаких сомнений. Но медсестра готова была умереть ради того, чтобы известная ей правда осталась скрытой. Скрытой, по всей вероятности, даже от меня.

3

На следующий день по дороге во дворец я зашла в Хёминсо.

Все здесь, казалось, были на грани. В раннем утреннем воздухе стоял запах недавней смерти, на снегу все еще виднелись пятна крови. Тайком позвали шамана, дабы тот изгнал остававшихся здесь злых духов.

Посреди этого хаоса мне удалось отозвать в сторонку медсестру Оксун. Мы учились вместе с одиннадцати лет, и я знала, что она девушка умная и умеет сохранять спокойствие при любых обстоятельствах.

– Когда у тебя будет время... – Я протянула ей листок бумаги. – Не могла бы ты поспрашивать, куда медсестра Чонсу ходила прошлой ночью в районе полуночи? Я записала тут все детали.

– Во время комендантского часа улицы обычно пустуют, – сказала Оксун, глядя на мои заметки. – И потому вряд ли кто сможет ответить на этот вопрос.

Я готова была согласиться с Оксун, но, зная, что она обожает медсестру Чонсу не меньше, чем я, все же настойчиво попросила:

– Пожалуйста, по крайней мере попытайся. Хоть *что-то* лучше, чем совсем ничего.

– Хён-а... – Она бросила на меня быстрый взгляд. – Ты ведешь расследование?

– Нет, конечно же, нет, – заверила ее я. – Просто собираю показания. Я хочу лишь доказать, что медсестра Чонсу невиновна. И ничего другого мне не надо.

Она смотрела на меня полными сомнения глазами, словно не верила мне.

– Я знаю тебя, Хён-а. Слишком хорошо знаю. Ты одержима тем, что делаешь. – Она нерешительно помолчала, а потом пробормотала: – Но ты моя подруга, и я расспрошу всех, кого знаю. Осторожно. Тайком.

– Спасибо тебе, – прошептала я.

Когда я покинула Хёминсо, рынок только просыпался. Рулоны дорогого китайского шелка искушали богачей. В утреннем зимнем свете блестели изделия из меди. На легком ветерке с гор подрагивали соломенные шляпы и корзины. Начался новый день, я чувствовала на своих плечах груз принесенной им новой опасности.

Когда я наконец добралась до дворца Чхандок, то предъявила деревянный жетон и прошла через ворота Тонхва. Мне казалось, стража вот-вот схватит меня и привяжет к стулу для допросов, и тогда мне придется рассказать о том, что принца в ночь резни не было в его покоях. Но стражники обращали на меня не больше внимания, чем обычно.

Меня сдерживало предупреждение отца: *«Не высовывайся. Не мешай командиру делать его работу»*.

Прижимая к груди сумку-мешок, я ступила на территорию Королевской аптеки, представляющую собой большой двор, в котором возвышалось несколько величественных павильонов. Черные крыши вздымались подобно горным вершинам, а карнизы вспыхивали самыми разными волшебными красками. Стены и балки были выкрашены в красный цвет, а на них всполохами нефрита выделялись зарешеченные зеленые окна. Здание, к которому я направлялась, напротив, было скучным и располагалось на задворках. Я вошла в просторное помещение, где три медсестры – молодые женщины с пронзительными темными глазами и бледными губами – быстро переодевались в медицинские костюмы. Они меня не любили, считали себя выше меня.

Не поднимая глаз, я поклонилась им и поприветствовала, а затем отошла в угол и тоже стала переодеваться. Я притворялась, что погружена в мысли о собственных делах, но при этом внимательно слушала, о чем шепчутся медсестры.

– Ты слышала? – Одна медсестра окунула палец в маленький горшочек с медом и втерла его в волосы, чтобы пригладить непослушные пряди и добавить им блеска. – О резне в Хёминсо?

Вторая медсестра пожала плечами.

– Медсестра Инён, говорят, первой оказалась на месте происшествия.

– Я слышала, она долгие годы была тамо. – Третья медсестра разгладила синюю юбку, шелк легко шелестел под ее пальцами. – Она стала дворцовой медсестрой всего год тому назад, а ведь ей двадцать пять лет! Старуха, не иначе.

Они вышли наружу, продолжая сплетничать. Переждав немного, я тоже покинула раздевалку и пошла в главное здание, а в голове у меня вертелись подслушанные слова.

Я не слишком хорошо знала медсестру Инён, но мне было жаль ее. Похоже, никто ее не любил. Дворцовые медсестры часто сторонились тех, кто успел поработать тамо – настолько унижительным это считалось. Тамо работали на полицию, имели дело с женскими трупами и жестокими женщинами-преступницами, поскольку закон запрещал мужчинам прикасаться к женщинам, не состоящим с ними в родстве. Стоило медсестре провалить всего три экзамена, как она становилась тамо. И я тоже стала бы ею, если бы медсестра Чонсу не нашла времени позаниматься со мной.

Не каждой девочке доводится встретить в своей жизни медсестру Чонсу.

Наконец я подошла к главному зданию – большому, величественному павильону. Изнутри до меня донесся мужской голос: похоже, врач Нансин давал поручения медсестрам.

Я взлетела по каменным ступеням и вошла внутрь. Весь медицинский персонал дворца столпился в главном зале, рукава у врачей и медсестер были спущены, головы склонены. Я быстро встала среди них и вдохнула отдающий землей запах сухих трав, хранящихся в ящиках больших медицинских шкафов и свешивающихся с потолка саше. Обычно этот запах действовал на меня благотворно. Семь лет я вдыхала подобные ароматы, пока училась, оказывала помощь пациентам, хихикала и сплетничала с ровесницами.

Сегодня, однако, я не могла не гадать, что за ужасы прячутся в столь хорошо мне знакомой обстановке.

– Все вы, должно быть, знаете о происшествии, имевшем место позапрошлой ночью. – Голос врача Нансина вернул меня к действительности. – И до вас мог прийти один тревожный слух, который все сейчас обсуждают. Но я советую вам помалкивать об этом. Иначе ваша жизнь окажется в опасности.

Я прикусила нижнюю губу. Он говорил о листовках. Об обвинениях в адрес наследного принца. Я покачала головой. Не хочу больше думать об этом.

– А теперь! – повысил он голос, словно с громким шелестом перевернул страницу. – Сегодня у нас будет хлопотный день.

Он перешел к распределению обязанностей. У каждой сестры была своя специализация: либо измерение пульса, либо изготовление лекарств, либо акупунктура. Те, кто читал пульс, в том числе и я, определяли, находятся ли в равновесии ум и тело человека; для этого мы изучали симптомы, расспрашивали пациентов и измеряли пульс по руководству Королевского медицинского управления. Те, кто занимался лекарствами, докладывали врачу о симптомах, обсуждали с ним диагнозы, а после назначения лечения долго и очень тщательно готовили снадобья для больных. Акупунктуристок же среди нас уважали больше всего – они были высококвалифицированными медсестрами, знающими, как облегчить боль и течение болезни, воздействуя на болевые точки. Они понимали, как циркулирует по телу энергия ки, знали, насколько глубоко надо вонзать иголки в тело.

– И у меня есть для вас еще одно, последнее задание, – сказал врач Нансин в самом конце своего обращения. Он прочистил горло, словно ему было неприятно говорить об этом. – Нужно, чтобы одна считающая пульс медсестра и одна акупунктуристка обследовали госпожу Мун и ее ребенка.

Я посмотрела на медсестер. Никто из них не вызвался выполнять его задание. Никто не любил восемнадцатилетнюю госпожу Мун, которая из робкой прислуги на кухне превратилась в высокомерную наложницу короля. Но я знала ее лучше других, знала, что она была наглой всегда, даже в бытность свою ребенком.

Давным-давно, когда нам было по одиннадцать лет, мы с ней дружили... своего рода. Она была дочерью одной из подруг моей матери. При первой нашей встрече она представилась Мун Сохюн, но приказала мне уважительно называть ее Мун-сси^[12]. Так она пыталась придать себе побольше значимости, поскольку иметь фамилию для низкородящего было большой и редкой честью, неважно, как она была приобретена. И я безропотно согласилась называть ее Мун-сси, втайне завидуя ей, потому что у меня фамилии не было; она же со своей стороны помыкала мной во время всех наших походов и шалостей. Она была подругой-тиранкой, но тем не менее подругой.

– Я пойду, – внезапно предложил кто-то из сестер. Это была медсестра Инён.

– Хорошо. – Врач Нансин снова прочистил горло. – Но нам по-прежнему нужна медсестра, считывающая пульс.

Сегодня я собиралась помогать Чиын готовить лекарства – я часто так делала, когда не надо было заниматься пациентами. Но, увидев медсестру Инён, я поняла, что мне нужно с ней поговорить.

– Я тоже пойду, – сказала я четко и уверенно, и остальные сестры посмотрели на меня, опустив от неприязни уголки губ. Инён тоже взглянула в мою сторону, ее лицо казалось донельзя удивленным. Я твердо добавила: – Я помогу ей, ыйвон-ним^[13].

* * *

Конфуций говорил, что мужчины и женщины не должны касаться друг друга, если они не являются родственниками, и этот закон

исполняли в том числе и люди знатного происхождения. Ыйнё появились в результате целого ряда скоропостижных – и легко предотвратимых – смертей женщин из королевской семьи, не разрешавших трогать себя врачам-мужчинам. В глазах большинства людей мы были всего лишь помощницами дворцовых врачей и сами никаких решений принимать не могли.

А потому контролировать нас было поручено одному молодому врачу. Он шел впереди, медсестра Инён и я – за ним. Мы прошли мимо стражников в красных халатах и суетливо разносящих письма евнухов. Но как только мы оказались на заснеженной тропинке между дворами, где никого больше не было, врач обернулся к нам. Он выглядел очень молодо, несмотря на пробивающуюся вокруг губ щетину.

– Что имел в виду врач Нансин? – спросил он, и вопрос обернулся белым облачком пара перед его лицом. – О каких слухах он говорил?

Я ничего не ответила, помня наказ врача молчать.

Но медсестра Инён, к моему удивлению, сказала:

– По столице распространяют листовки. В них утверждается, что в убийствах в Хёминсо виновен наследный принц. Но я этим слухам, разумеется, не верю.

Врач побледнел:

– Конечно-конечно. – Он отвернулся от нас и ускорил шаг, словно старался убежать от собственного вопроса, так что мы с Инён остались наедине. Я посмотрела в ее напудренное лицо, гадая, известно ли ей, что говорят о ней другие медсестры.

– Ты так пристально на меня смотришь, – произнесла она. – Хочешь что-то сказать?

Я на мгновение засомневалась, задавать ли имеющиеся у меня вопросы или нет.

– Некоторые говорят... ты долгое время была тамо.

Она даже не изменилась в лице. Выдержки ей было не занимать.

– Ты имеешь в виду других дворцовых медсестер? – Ее губ коснулась безрадостная улыбка. – Тебе стоило дважды подумать, прежде чем начинать со мной этот разговор. Если хочешь ладить с другими ыйнё, со мной тебе дела лучше не иметь.

Враждебность не была для меня чем-то новым и неизведанным. Я выросла в ней, отвергнутая отцом и его законнорожденными детьми. И рано научилась справляться с нелюбовью ко мне.

– Ыйнё-ним, – вежливо обратилась я к Инён, поскольку она была старше меня. – Я работаю во дворце, чтобы быть полезной, а не чтобы заводить подруг.

Она снова посмотрела на меня долгим, оценивающим взглядом, словно что-то упустила прежде и заметила только теперь.

– Я, как ты знаешь, просто стала свидетельницей преступления, и это привлекло ко мне ненужное внимание. Дворцовые медсестры вечно пытаются припомнить мне мое прошлое, ищут, как бы меня на место поставить.

Мимо нас прошел стражник, и она замолчала, а когда мы снова оказались одни, добавила:

– Вот что случается, когда молодых ыйнё делают дворцовыми медсестрами. Они начинают думать, будто они лучше кого-то, особенно такой, как я. Ничтожнейшей тамо, со временем ставшей дворцовой медсестрой.

Я, немного помолчав, спросила:

– А как долго ты была тамо, ыйнё-ним?

– Девять лет.

Я, ошеломленная, присмотрелась к ней повнимательней. Девять лет. Выходит, каждый раз, каждый месяц она проваливала медсестринские экзамены? И как же тогда после девяти пораженческих лет ей удалось наконец начать работать во дворце?

Словно прочитав мои мысли, она сказала:

– Я добровольно проваливала экзамены.

Я опять удивилась:

– Добровольно?

– Мне нравилось работать в полицейском участке в Кванджу^[14]. Тамошний командир, мой наставник, был для меня, как для тебя медсестра Чонсу. Как-то он расследовал одно убийство, и я ему помогала. Долгие годы мы искали убийцу, и я постоянно думала о несправедливости и жестокости произошедшего. За одну ночь убили целую семью, спаслась лишь маленькая девочка. Она пряталась в сундуке и слышала, как убивали ее мать.

Волоски у меня на коже встали дыбом.

– А убийцу в конце концов поймали?

– Да. – Ее голос стал хриплым, она стиснула зубы. – Но незадолго до этого мы обнаружили, что один из свидетелей дал ложные показания. Командир замучил его до смерти. И когда расследование закончилось, я захотела начать новую жизнь, забыть обо всем этом.

– Замучил до смерти... – прошептала я. Наставник, о котором говорила Инён, был полной противоположностью медсестры Чонсу.

– Я решила, что пришло время оставить прошлое позади, но тут в мою жизнь ворвалась другая трагедия. Моя мать умерла, а она всю жизнь мечтала о том, чтобы я стала дворцовой медсестрой. Так что я сдала все ежемесячные экзамены и в конце концов умудрилась получить в конце года наивысший общий балл. Я хотела работать во дворце ради нее. – Она покачала головой и пробормотала: – И еще мне нужны были деньги, а дворцовым медсестрам хорошо платят.

Я вспомнила, о чем она рассказывала днем раньше.

– Твой отец играет в азартные игры...

– Я из-за него скоро поседею. Но разве я могу винить его? Он и так хлебнул горя в жизни. – Голос выдал ее переживания, а на лице промелькнула горестная тень. – Такое впечатление, что в нашей семье кто-то все время твердо намеревается свести нас с ума.

«Как мой отец, – горько подумала я. – И мать».

Не успела я ответить, как молодой доктор прочистил горло. Он был теперь не так далеко от нас, и я сообразила, что мы пришли к резиденции госпожи Мун. Входя в павильон, мы обе замолчали.

* * *

При виде нас госпожа Мун самодовольно улыбнулась. Она следила за мной взглядом, словно спрашивая: «Ты по-прежнему завидуешь мне, Хён-а?»

Я опустила голову, но не могла не смотреть на нее из-под ресниц.
Да, завидую.

Ее кожа сияла подобно каплям росы, губы цвели как розовые розы, а глаза были яркими, словно закат. Она была не просто королевской наложницей, но одной из четырех наложниц самого высокого ранга, с которыми обращались как с женами.

– Госпожа. – Молодой врач выступил вперед. – Мы пришли, дабы удостовериться в вашем хорошем самочувствии.

Она подняла указательный палец:

– Приступайте.

подавив все эмоции, я встала перед госпожой Мун на колени и обследовала ее, задала вопросы и проверила пульс.

– Ей необходимо восстановить жизненную энергию, – сообщила я молодому врачу, поделившись с ним своими наблюдениями. Он кивнул в знак согласия.

Потом медсестра Инён поставила госпоже Мун иголки. Чтобы отвлечься от этого зрелища, я обратила внимание на малышку, которую передала мне кормилица.

– Сколько сейчас агисси ^[15], маленькой госпоже? – спросила я почтительно.

Кормилица почесала нос:

– Две недели.

– Сколько раз агисси брала сегодня грудь?

– Один раз.

– Она какала?

– Один раз.

– Хорошо. – Я запишу эту информацию позже – медсестры проверяли состояние матери и ребенка каждые несколько часов и оставляли соответствующие записи. Но сейчас я смотрела на малышку и чувствовала, что в моих руках лежит все разочарование госпожи Мун. Она очень хотела сына. Как я слышала, она молилась и делала подношения Самсин Хальмони^[16], духам семи звезд^[17], горным духам, Будде и некоторым камням и деревьям, считавшимся священными. Она даже ела только правильную еду. И тем не менее небеса подарили ей девочку.

Я медленно выдохнула, чтобы облегчить боль в груди.

«Я очень надеюсь, что однажды твоя мать полюбит тебя, – хотелось прошептать ребенку, – сильнее, чем моя мать любит меня».

Когда я была малышкой, мать опускала меня на землю, чтобы я играла с грязью. А моего только что появившегося на свет братика она всегда носила с собой. Когда я стала старше, она поручила заботиться обо мне слугам. Подросшему же брату доставались учителя и медовое печенье.

Подобная несправедливость мучила меня, и это чувство живо во мне до сих пор. Мой гнев походил на небольшие вспышки огня. Я винила мать в том, что была незаконнорожденной. Спрятала ее любимое нефритовое кольцо под шкаф. Выбросила тетрадки брата под сильный дождь. Украла и кинула в ручей подарки, которыми отец осыпал мою сводную сестру. Я ломала и разрушала, пытаюсь облегчить терзающую меня боль.

Гнев такого рода никогда не исчезает бесследно, но медсестра Чонсу не дала ему поглотить меня.

– Ты – образ небес и земли, – прошептала я малышке. Это были слова Сунь Сымяо^[18] из энциклопедии, которую подарила мне медсестра Чонсу и которую я до сих пор не прекращала изучать. Называлась она «Донги-богам» и была написана легендарным врачом Хо Джунном^[19]. – Твоя круглая головка – небеса, а ножки – земля, твои руки и ноги – четыре времени года, глаза – Солнце и

Луна Вселенной. – Я вытерла ей слюни. – Всегда помни, кто ты есть, агисси...

– Ты слышала? – спросила госпожа Мун, и я почувствовала на себе ее взгляд, острый, словно приставленный к горлу кинжал. – В столице развешивают листовки и ходят опасные слухи. Ты знаешь об этом? Как считаешь, это правда, медсестра Хён?

Я моргнула.

– Что?

– Мне сказали, ты и еще одна медсестра той ночью были у наследного принца. Он действительно ни на секунду не покидал свои покои?

Краем глаза я заметила, как медсестра Инён и молодой врач обменялись нервными взглядами. Сплетничать о члене королевской семьи с королевской наложницей было опасно, это могло кончиться очень и очень плохо.

– Ну? – поторопила она.

Я почувствовала, что мой лоб покрылся ледяным потом.

– Наследный принц был в своих покоях, госпожа. Он был болен и весь день плохо себя чувствовал, вот нас к нему и позвали. Его здоровье внушало той ночью серьезное опасение.

– Неужели? Подобные поручения обычно выполняют другие медсестры. Вы же не ночные сиделки, верно?

Пальцы у меня похолодели.

– Верно, госпожа.

– Тогда почему позвали именно вас?

Я помедлила с ответом, гадая, солгать или нет. Но все же сказала правду:

– Точно не знаю.

Госпожа Мун взмахнула рукой и приказала:

– Пусть все, кроме медсестры Хён, уйдут.

Я отдала ребенка кормилице и, испытывая неприятное ощущение в желудке, стала ждать, что будет. Когда мы остались одни, госпожа

Мун поставила локоть на колено, на лице ее была написана решимость.

– Уверена, что не знаешь?

– Да, – ответила я на этот раз с большей убежденностью. – Я действительно не знаю, госпожа.

Повисла долгая пауза.

– Я верю тебе. Но в каждом закутке этого дворца у меня есть шпионы. Если ты лжешь, я узнаю об этом и доведу до сведения его величества. – Ее острый взгляд пронзил макушку моей склоненной головы. – Сама знаешь, я могу сказать о тебе все что угодно и король поверит мне.

У меня по спине сползла капля пота. Госпожа Мун была моей ровесницей, и мне не следовало бы бояться ее. Но меня все равно кольнуло тревогой: даже если она для меня не страшна, я не могла не испытывать страха перед королем.

– Но, – мягко сказала она, – я не позволю, чтобы с тобой случилось что-то дурное, если ты станешь моими глазами и ушами. Если узнаешь, что же случилось в Хёминсо, непременно расскажи мне об этом. – Она добавила уже тише: – Особенно если это будет иметь какое-то отношение к наследному принцу.

Сердце мое, казалось, остановилось.

– Я попробую, госпожа.

– Нет, не *попробуешь*, – поправила она меня. – *А сделаешь*.

– Да. – Я, стиснув зубы, поклонилась. – Сделаю.

Разумеется, это была ложь, единственное оружие низших против власть имущих.

– Хорошо. – Она села прямо и вздернула подбородок, а на ее губах заиграла довольная улыбка. – Можешь быть свободна.

Я поднялась, чтобы уйти – мне хотелось поскорее покинуть ее общество, – но тут же остановилась. Если дворец госпожи Мун наводнен шпионами, она может знать ответ на один из вопросов, который не давал мне покоя.

– За пределами дворца умерла придворная дама, – медленно проговорила я. – Вы не знаете, кто мог желать ей зла?

Улыбка госпожи Мун померкла.

– Ты не должна открывать рот, пока тебя не спросят, – прошипела она.

– Госпожа, – не желала сдаваться я, – я простая служанка, но когда-то мы были подругами. Если у вас остались хоть какие приятные воспоминания о детстве, то не будете ли вы так добры ответить на мой вопрос?

Она долго молчала, а я наблюдала за ней из-под опущенных ресниц. На ее лице мелькнула тень испуга, и она побледнела; вид у нее стал почти смущенным. Но все эти эмоции быстро сменило едва скрываемое волнение.

– Одна из моих служанок видела, как придворная дама Анби и королевский врач Кхун – тот, что работает в Медицинском саду, – ссорились незадолго до ее смерти, – сказала она. – И в какой-то момент он взял ее за плечи. – Она цокнула языком. – Как непристойно! Возможно, он и есть то самое чудовище, которое ты ищешь. – И госпожа Мун взмахом руки велела мне уйти.

Я вышла из ее покоев, мысли мои, казалось, увязли в паутине имен, сплетенной у меня в голове.

Придворная дама Анби, врач Кхун, госпожа Мун... и наследный принц.

Чем больше я размышляла над сложившейся ситуацией, тем больше тревожилась. И помимо воли боялась, что скрытая правда скоро выйдет наружу и станет известна всему королевству. И разразится свирепая буря, которая не пощадит ничего и никого.

4

– Ничего сложного, сделаешь все быстро – и готово, – шептала я сама себе, торопливо шагая по столице и радуясь снежинкам, тающим на горячих щеках.

Я целый час расспрашивала людей о том, где мне найти врача Кхуна, и все это время ловила на себе неодобрительные взгляды и выслушивала вопросы о том, зачем мне идти к неженатому мужчине.

Но я была слишком упряма, чтобы прекратить расследование этого дела. И не сомневалась, что врач Кхун знает правду об убийствах, что он поможет мне раскрыть их тайну, и тогда командир перестанет гневаться на медсестру Чонсу. Ведь женщина, с которой врач Кхун ссорился в саду, была убита. Кто знает, он вполне мог оказаться и возлюбленным госпожи Анби. Они были ровесниками; ему было девятнадцать лет, ей – восемнадцать.

Я внезапно замерла. Меня вдруг ошарашила мысль, что это врач Кхун мог убить ее. Мужчины предпочитают убивать своих жертв ножами, я отметила это, когда лечила раненых в Хёминсо. И кроме того, убийства жен мужьями не редкость.

Я ясно представляла себе такую вот картину: врач Кхун украдкой кладет в руку придворной дамы Анби выманивающую ее из дворца записку, в которой грозитя никогда больше с ней не встречаться, если она его не послушается. А когда она выходит из дворца, он, подкараулив ее в каком-нибудь темном месте, бьет ее ножом в грудь, но ей все же удается укрыться в Хёминсо. Он мог последовать туда за ней и нанести еще один удар, в горло, от которого она скончалась. Но потом врач Кхун понял, что есть свидетельницы его злодеяния – две медсестры и их учительница. И он убил еще и их.

Но мгновение спустя в голове у меня прояснилось и сердце стало биться медленнее и ровнее. Врач Кхун никак не мог быть убийцей. Ведь он целитель, защитник жизни как таковой. И конечно же, не способен на убийство.

Мимо прошла группа солдат, и я чуть было не уронила записку с адресом врача Кхуна, которую дал мне другой врач.

– Найти его! – воскликнул их капитан. – Он не должен уйти!

Я посмотрела им вслед и двинулась дальше сквозь толпу к массивным крепостным воротам. Показав стражнику жетон, я покинула столицу и пошла по дороге, на которой иногда встречала врача Кхуна – он тоже возвращался домой из дворца этим путем.

Спокойный и сдержанный, он напоминал мне растения в Медицинском саду. Погрузившись в свои мысли, он не обращал ни малейшего внимания на мои любопытствующие взгляды. Его темные глаза всегда смотрели прямо. Он быстро обгонял меня, пересекал мост через ручей Чхонгечхон и исчезал вдалеке. Я же обычно шла дальше по дороге к дому матери, но сегодня свернула к мосту.

Я следовала указаниям в записке – я ее запомнила сразу же, как прочла. Я всегда легко усваивала прочитанное; могла запомнить целую страницу, лишь взглянув на нее. Миновав деревню, я оказалась на краю леса. Дальше надо было пройти по лесной дороге, вдоль которой стояли обнаженные деревья и возвышались заснеженные скалы. Идти было трудно – за лодыжки цеплялись раскидистые ветви.

Наконец я добралась до поляны. Посередине нее стояла окруженная зарослями кустарника одинокая хижина с соломенной крышей, обсыпавшимися глиняными стенами и раздвижными дверьми.

Я остановилась.

Дом врача Кхуна стоял особняком – а я-то думала, он расположен в деревушке и мы будем разговаривать на улице, кивая проходящим мимо местным жителям и зевакам. Я не настолько доверяла врачу – равно как и какому-либо другому мужчине, – чтобы общаться с ним наедине в столь глухом месте. И развернулась, чтобы уйти, но тут где-то поблизости хрустнула ветка.

В лесу мелькнула чья-то тень.

Волоски у меня на шее встали дыбом, я замерла, считая свои частые вдохи и выдохи.

Спустя несколько секунд на поляне появился мужчина, на нем была черная шляпа и длинный линялый халат. Он производил впечатление небогатого ученого. Мужчина остановился в тени деревьев, и мне стало ясно, что он тоже наблюдает за хижинкой врача Кхуна. Он стоял там так долго, что из-за облаков выглянуло солнце и осветило его лицо сквозь ветви деревьев.

Мои глаза расширились от удивления, поскольку я узнала этого человека. Сейчас, когда у него на лице не было грязи, оказалось, что он красив. У него были потрясающие темные глаза. Нос с горбинкой и точеные скулы. Впалые щеки, свидетельствующие о недоедании, но это вполне могли исправить несколько обильных приемов пищи. То был слуга из отделения полиции, спокойный и строгий молодой человек, который помог мне уйти с места, где было совершено преступление.

Но что он делал здесь, одетый как ученый?

Он стоял не шевелясь, и хлопья снега падали ему на лицо. Я была не способна на подобную неподвижность. Сзади мне в бедро вонзилась ветка. Я оглянулась, отвела ее в сторону и снова посмотрела перед собой.

Он исчез.

Я растерялась и впала в смятение. Затем, услышав, как закрылась раздвижная дверь, поспешила к хижине и обходила ее до тех пор, пока не обнаружила заднюю дверь. Приоткрыв ее, я заглянула внутрь, но увидела лишь пустую комнату. Я пошла дальше вдоль стены и, добравшись до окна, выходящего в другую комнату, приоткрыла и его. Там тоже было пусто. Так куда же подевался молодой человек? Я повернулась, чтобы осмотреть остальные комнаты, как вдруг наткнулась на что-то твердое.

– Опять ты, – раздался глубокий изумленный голос.

Я посмотрела в его ясные карие глаза. На темных ресницах лежали снежинки. Мои губы приоткрылись, но я и сама не знала, что

хочу сказать; все мои слова будто испарились под его пристальным взглядом. Быстро моргнув, я опустила глаза и увидела у него в руке кинжал. Он вложил его в ножны – ясно было, он не думал, что я представляю для него угрозу. И я не знала, стоит мне обижаться на это или нет.

– Почему ты преследуешь меня?

– Я пришла сюда первой. А почему ты оказался в доме врача Кхуна?

– Потому что его здесь нет.

У меня ушла пара секунд на то, чтобы понять, что он имеет в виду. Он, должно быть, явился порыться в вещах врача – но что он хочет найти?

– Значит, тебя прислала сюда полиция?

– Нет.

– Тогда почему?..

– Кажется, я сказал, что не желаю больше видеть тебя.

– Если я правильно помню, – сказала я нарочито вежливо, – ты велел мне никогда больше не появляться на месте преступления. Но разве тут свершилось преступление?

Молодой человек воззрился на меня так, будто я была престранным существом, будто никогда прежде с ним никто подобным тоном не разговаривал.

Молчание затянулось, и я пожала плечами:

– Я пришла просто поговорить с врачом. Вот и все.

На его лице все еще было написано недоумение.

– Зачем?

– У меня есть на это очень важная причина, и если хочешь знать... – Я посмотрела на пустую хижину, гадая, куда подевался врач Кхун. – Но сначала ответь на мои вопросы. Почему ты замаскировался под ученого?

– Чтобы не выделяться.

– А почему ты здесь, если полиция тебя сюда не посылала?

Он помолчал, а потом спокойно спросил:

– Ты меня допрашиваешь?

– Нет. Мы просто разговариваем...

– К сожалению, у меня нет на это времени, – отвернулся он.

И не успела я остановить его, как он исчез в хижине врача Кхуна – а ведь тот мог вернуться в любой момент.

«Уходи отсюда, Хён-а», – воззвал ко мне внутренний голос. Мне не хотелось вмешиваться во все это, но что-то в молодом человеке пробуждало мой интерес. Я догадывалась, что у него есть нужная мне информация, и хотела ее выяснить.

Я вошла в хижину и увидела, что он быстро ходит из угла в угол, открывает ящики шкафов и комодов, проверяет, нет ли чего под сложенными одеялами и между страницами книг. Мой взгляд остановился на внушительном томе, который он пролистал и поставил на место, – это была книга о войнах.

– Такое запрещено законом, – сказала я. – Нельзя врывать в чужие дома и рыться в хозяйских вещах.

Он меня словно и не услышал. Все осмотренные предметы он возвращал точно на свои места: фарфоровую вазу, шкатулку с документами, подсвечник. Взяв небольшую баночку с крышкой, он открыл ее и заглянул внутрь. Я с опаской посмотрела на белое порошкообразное вещество. Но он закрыл крышку, поставил банку туда, где она стояла прежде, и двинулся дальше, и тут я поняла, что так и не получила ответа на свой вопрос.

– Эй! – грубо окликнула его я. Мое терпение подходило к концу. – Отвечай. Почему ты здесь, если полиция тебя не послала?

Глубоко вздохнув, он начал листать еще одну книгу.

– У меня есть веские причины участвовать в этом расследовании. Поверь мне.

– С какой стати мне тебе верить? Я тебя совсем не знаю.

– Ты доверяешь мне достаточно, чтобы оставаться со мной наедине в лесу. И создается впечатление, будто ты здесь по тем же причинам, что и я: врач Кхун нам обоим показался

подозрительным. – Он отложил книгу в сторону и принялся изучать следующий предмет – небольшую коробочку.

«Значит, тебе что-то известно», – прошептала я про себя. А ему сказала: – До меня дошли слухи о враче Кхуне. Последний раз его видели, когда он ссорился с придворной дамой Анби. – Втайне я надеялась, что, если я сообщу ему нечто новое, он ответит мне той же монетой. – Он, похоже, держал ее за плечи, и потому я предположила, что они любовники. Если это так, то врач Кхун наверняка знает, что же с ней случилось. Вот почему я здесь.

У него на лице заиграли желваки.

– У меня ушел весь вчерашний день, чтобы выяснить то, что ты узнала за одну секунду. А еще полдня я потратил, чтобы найти, где Кхун живет. – Он смотрел на меня, и его глаза как-то странно блестели. – Полагаю, раз ты работаешь во дворце, тебе известны вещи, о которых полиция никогда не узнает.

– Это действительно так.

– А ты поделишься имеющимися у тебя сведениями с полицией?

– Только теми, что отведут подозрения от моей учительницы. Но ставить полицию в известность обо всем, что знаю, я не собираюсь. – Я подошла к двери и посмотрела, не возвращается ли врач Кхун. – Мы во дворце говорим: «Дворцовые тайны никогда не должны выплыть наружу, иначе неминуемо прольется кровь».

Я ждала его ответа, но молодой человек молчал. Было так тихо, что мне показалось, будто я осталась одна. Я посмотрела через плечо и обнаружила, что он добрался до самого верха книжного шкафа – ему даже не пришлось вставать при этом на цыпочки, настолько он был высоким. А потом он подошел к окну и поднес к свету какую-то вещицу.

– Нашел, – прошептал он.

Я ждала, мою кожу покалывало от предвкушения. Вдруг он обнаружил нечто такое, что поможет разгадать тайну резни в Хёминсо? Он подошел ко мне – все мое тело напряглось, – встал

близко, очень близко и, протянув ладонь, показал широкое серебряное кольцо.

– Одно каракчи? – спросила я. Обычно такие кольца шли в паре и замужние женщины надевали их оба на один палец – это символизировало гармонию между мужем и женой. По традиции жены должны были носить их до самой смерти. – А почему ты его искал?

– Придворная дама Анби в своем письме к семье несколько раз упомянула врача Кхуна. О других мужчинах она никогда не писала, – объяснил он. – А во время вскрытия тамо нашла еще одно такое же кольцо на ее ожерелье. Кольцо с выгравированным цветком сливы.

Он поднял кольцо, чтобы мы оба могли разглядеть его получше. К моему удивлению, я увидела на серебре нежный распустившийся цветок.

– Замужняя женщина носит парные кольца всю жизнь, – сказала я. – В случае же ее смерти одно из них кладут с ней в могилу, а другое возвращают супругу. Неужели Анби и Кхун были тайно женаты? – Я подняла глаза и обнаружила, что его лицо находится в опасной близости от моего. И тут же сделала шаг назад.

Он, глядя на меня, произнес:

– Именно так.

Я снова посмотрела на кольцо. Анби была придворной дамой, а значит, ее замужество считалось изменой королю.

– Не понимаю. Ведь оба кольца должны были быть у нее. А нашли только одно. Почему?

– Я тоже очень хотел бы это знать. – Он повернулся и выглянул наружу. Снег больше не шел. – Он может вернуться в любой момент.

– А ты знаешь, где он? – спросила я.

– Я послал ему записку, в которой назвался братом Анби, и попросил о встрече в харчевне. И потому получил возможность обыскать его дом без... – он взглянул на меня, и на его губах заиграла насмешливая улыбка, – ...помех. Он наверняка уже понял, что записка – просто чья-то уловка. Пошли отсюда.

* * *

Идя вслед за полицейским слугой по лесу и по полю тростника – высокого, выше нас, – я усиленно размышляла, что же крылось за разъединенными кольцами. Второе кольцо было у врача Кхуна. Оно оказалось у него до или после смерти придворной дамы Анби? И имеют ли эти кольца какое-то отношение к резне?

– Ты спрашивала, что я здесь делал, – сказал полицейский-слуга, выдергивая меня из моих мыслей. Замерзшая трава и нетронутый снег хрустели под нашими ногами. – Я год проработал в провинции Пхёнан, там произошло тройное убийство, похожее на здешнее... Когда случилась резня в Хёминсо, я задался вопросом, а не связаны ли друг с другом эти преступления.

– А чем они похожи? – спросила я, а потом добавила: – Не кажется ли тебе, что это слишком смелое предположение? Убийства происходят постоянно, их совершают и коррумпированные чиновники, и знатные люди, и солдаты.

Лицо его на какой-то момент окаменело.

– У меня есть на то свои причины.

Я убрала со лба выбившуюся прядь волос. Отстав на шаг от молодого человека, я не сводила глаз с его спины. Плечи у него были широкими, он был высоким, словно гора.

– А как, кстати говоря, тебя зовут? – поинтересовалась я.

Он продолжал пристально, не оборачиваясь, смотреть вперед.

– Со Оджин.

Я ждала, что он задаст мне тот же вопрос. Он этого не сделал.

– Меня зовут Пэк-хён. Но я предпочитаю, чтобы меня называли Хён. – Он быстро шел вперед, и мне приходилось почти бежать, чтобы поспевать за ним. – А что ты сделаешь с найденным кольцом?

– Оставлю у себя.

Его ответ раздосадовал меня. Нужно предоставить командиру Сону улики, чтобы он поступил по справедливости прямо *сейчас*.

– Нужно рассказать о нем командиру.

– Я пока не буду этого делать.

– Почему?

– Чтобы дать возможность Кхуну поведать свою версию событий не под пытками.

– Оджин, – сказала я, не в силах скрыть своего скептицизма, – ты же всего лишь слуга в отделении полиции. И не можешь принимать решений на свой страх и риск.

Он остановился так неожиданно, что мне пришлось упереться руками ему в спину – широкую, сильную спину, – чтобы не врезаться. Он резко повернулся, его глаза встретились с моими. Я быстро убрала руки и подалась назад.

– Слуга? – переспросил он.

– Да. Ты – полицейский-слуга, – настаивала я. – И не должен вести себя, как тебе в голову взбредет. Ты нашел улику и должен передать ее командиру...

Он, качая головой, положил кольцо в мешочек, висящий у него на поясе, и лицо у меня запылало от возмущения. В любой момент командир мог начать пытать медсестру Чонсу, чтобы выбить из нее признание. Перед глазами у меня все подернулось красной дымкой. Мысленным взором я видела ее кровавые раны. Переломанные кости. Кровь, пропитавшую ее одежду и капающую на землю. И мне придется жить с мыслью, что я могла предотвратить столь вопиющую жестокость, если бы отдала кольцо командиру.

Мои руки сами по себе метнулись к его мешочку. Пальцы коснулись грубой ткани, но не успела я потянуть за шнурок, как Оджин крепко схватил меня за кисть. Выглядел он таким же ошарашенным, какой я себя чувствовала.

– Что ты делаешь? – спросил он.

– Если ты не хочешь отдать улику, – сказала я глухим от напряжения голосом, – то это сделаю я.

Его хватка ослабла, но загорелые пальцы продолжали держать мои бледные кисти.

– Послушай, – тихо проговорил он. – Я знаю командира. Если он считает, что ему известна правда, то ничто не заставит его изменить свое мнение. Он не поможет тебе спасти твою учительницу. На это способен лишь один человек.

Красный туман у меня в голове постепенно рассеялся. Я умудрилась прошептать:

– Кто?

– Настоящий убийца. Его признание вынудит командира Сола передумать. Или же, – продолжил он, осторожно отпуская мои кисти, – четвертая медсестра. Если она все еще жива, ее показания станут главным свидетельством в этом деле.

Я с удивлением посмотрела на него:

– Какая четвертая медсестра?

– В полицейский участок приходила женщина и поклялась, что ее дочь, учащаяся на медсестру, отправилась в день резни в Хёминсо и так и не вернулась домой.

– Как зовут эту дочь?

– Минджи. Ей всего двенадцать лет. Может, ты знаешь ее?

Сердце глухо стучало у меня в груди, ум лихорадочно работал.

– Нет... Не думаю. – Я мало кого знала из младших медсестер, а если Минджи двенадцать, то скорее всего она еще чхохакий – то есть учится первый год. – И как ты считаешь, что могло с ней случиться...

– Подожди. – Оджин поднял руку, и я замерла на месте, чувствуя, как лицо мне щекочит метелки тростника. Его глаза расширились – он смотрел куда-то поверх моего плеча. – Я что-то слышу.

Я тоже насторожилась. И поначалу услышала лишь хрустящую зимнюю тишину.

А затем уловила звуки быстрых шагов и свистящее дыхание.

Оджин моментально прошел через тростник и выбрался на дорогу, и я последовала за ним. По направлению к нам бежал перепуганный крестьянин, его одежда была в крови, а кожа казалась синей. Одной рукой он зажимал рану в боку, а в другой – держал бумажный

свиток. Когда он пробежал мимо нас, Оджин выступил вперед и схватил его за плечо. Мужчина с криком повалился на землю.

– Что случилось? – Не услышав ответа, Оджин сел на корточки перед дрожащим крестьянином и еще раз тихо спросил: – Кто это с тобой сотворил?

– Я... я... – Мужчина сжал губы, пытаясь что-то сказать, но у него не получилось. Но потом все же с трудом выдавил из себя: – Я... я не знаю, ч-что я сделал не так.

– Расскажи мне, – сказал Оджин. – Я могу помочь тебе.

Я подошла ближе к крестьянину и постаралась получше рассмотреть рану.

– Я ыйнё, – успокаивающе сказала я. – Дай мне взглянуть, можно ли остановить кровотечение.

Мужчина посмотрел на меня, и его глаза наполнились слезами, словно ему стало легче от одного моего присутствия.

– Мне заплатили за то, чтобы я развесил их сегодня по всему городу, и сделал это как можно н-н-незаметнее. Я не могу их даже прочитать. – Он, запинаясь, забормотал что-то невнятное, но, когда я села на колени рядом с ним, успокоился и продолжил: – У меня дети не кормлены, вот я и согласился. А когда я их расклеивал, на меня набросился солдат, и я убежал из крепости.

Оджин взял у мужчины листовку и развернул ее. Пока он читал, лицо его становилось все мрачнее.

– Что это? – спросила я, осматривая мужчину. Кожа напротив ребер у него была рассечена до кости каким-то острым лезвием.

– Это такая же листовка, какие расклеивали вчера, – хмуро сказал Оджин. – Наследного принца обвиняют в нескольких убийствах.

Кровь застыла у меня в жилах. Крестьянин ошарашенно распахнул глаза.

– Кто велел тебе это развесить? – спросила я его.

– Не знаю! – пронзительно крикнул он.

– Как этот человек выглядел? – настойчиво расспрашивал его Оджин. – Это был мужчина или женщина? Рост, особые приметы, дай

хоть какое-то его описание!

Крестьянин оглянулся через плечо на пустую дорогу.

– Т-теперь ясно, почему они хотели меня убить. Я понятия не имел... понятия не имел, что совершил такое ужасное преступление. О боги, у меня нет времени на разговоры. – Он попытался встать. – Нужно убираться отсюда...

Земля задрожала у нас под ногами. Оджин схватил и меня, и крестьянина и утащил в поле. Я вытянула шею и увидела всадников в темно-красных шляпах с плюмажами, торчащими, словно тигриные уши.

– Королевские стражники, – прошептала я.

Оджин пригнул меня к земле и навис надо мной, грудью прикрывая мою спину, а руками – голову. Он прошипел крестьянину, чтобы тот тоже пригнулся. Но мужчина лишь побледнел, его глаза расширились и расширились, пока не стали похожи на две только что выкопанные могилы.

– Да помогут мне небеса, – простонал он, пятясь назад, хотя Оджин и пытался его остановить. – Мне нужно идти.

Он развернулся и заковылял прочь, раздвигая тростник, словно плыл по нему, и все время оборачивался, пока не скрылся из виду. Но я все еще слышала шелест травы под его ногами. На какой-то прекрасное мгновение мне показалось, что он спасется.

А затем раздался громкий стук копыт.

Я прижалась к Оджину, вокруг нас колыхался тростник и воздух, казалось, ревел. Мимо пронеслись всадники, запахло лошадиным потом. Но потом все наконец успокоилось и стук копыт стих вдали.

Я слегка повернула голову и оказалась лицом к лицу с Оджином, и глаза его под темными бровями смотрели пронзительно. Мы обменялись нервными взглядами, а потом он отвел глаза.

Воздух разрезал свист стрелы.

Она вонзилась во что-то живое, и раздался крик. Я вздрогнула всем телом. Крестьянин. Его подстрелили, словно дикого зверя. Крик перешел в мольбы о пощаде, а потом кто-то рявкнул:

– Ты посмел оклеветать наследного принца нашего королевства! Ты опорочил его, а это преступление карается смертью.

– П-п-пожалуйста! Я не знал...

Раздался металлический лязг, и я услышала, как захлестала кровь.

Я готова была закричать от ужаса. Оджин зажал мне рот, спиной я чувствовала быстрое биение его сердца. Он был напуган не меньше моего.

– Закопай труп в холмах! – приказал кому-то солдат. – А ты – найди семью предателя и арестуй их всех. Король поступит с негодяями, как ему будет угодно. А остальные пусть и дальше срывают листовки. Чтоб к ночи ни одной не осталось!

Я едва могла дышать. Мне еще не доводилось видеть, чтобы человека лишали жизни так бессердечно, так быстро, без намека на сожаление или упреки совести. До меня дошло наконец, что, если я и дальше буду расследовать резню в Хёминсо, меня могут убить. И эта мысль потрясла меня.

«Тогда беги отсюда, – прошептал мне внутренний голос. – Медсестра Чонсу тебе не кровная родственница. Уноси ноги. Спасайся».

Со все нарастающей паникой я смотрела на колышущийся тростник. Я была слишком молода, чтобы рисковать жизнью, передо мной открывалось еще столько возможностей. Я могла бы забыть о страданиях медсестры Чонсу, отвернуться от нее, и никто не стал бы винить меня в этом. Вообще никто.

«Но я не должна так поступать, – подумала я, и это была скорее обращенная к себе мольба, чем осознанное решение. – Я не смогу с чистой совестью считать себя медсестрой, если не воспротивлюсь столь вопиющей несправедливости. Я должна что-то предпринять».

5

Мы прятались в зарослях тростника до тех пор, пока небо на западе не начало становиться пурпурным. Убедившись, что мы остались совершенно одни, Оджин медленно встал. Руки и ноги у меня затекли, и их покалывало, когда я с трудом пробиравлась по полю к дороге. Я не спрашивала, куда мы идем, – мне было все равно, лишь бы оказаться подальше от того места, где был убит крестьянин.

– Если тебе надо поговорить... – сказал Оджин, глядя на меня.

Я не могла произнести ни слова. Мы оба молчали, и как я ни старалась забыть о случившемся, в ушах у меня все еще звучали свист стрелы и ужасающий глухой звук, с которым наконечник вонзился в тело. Мне казалось, я сойду с ума.

Оджин же быстро справился с потрясением. Он скрупулезно изучал листовку.

– Я хочу домой, – наконец сказала я, не желая больше иметь дела ни с листовками, ни с врачом Кхуном, ни с чем. – Я ухожу.

– Уверена? – посмотрел на меня он. – А я вот сомневаюсь, что ты хочешь как можно скорее оказаться дома.

Я проследила за его взглядом и увидела, что мои пальцы в крови, рукава все красные, и еще больше крови у меня на теле – ведь я пыталась остановить кровотечение у крестьянина. На меня накатила тошнота.

– Сначала тебе стоит привести себя в порядок. Вот, возьми. – Оджин снял длинный белый плащ и накинул на меня. Ткань все еще хранила его тепло, и это странным образом успокаивало. – Так ты будешь привлекать меньше внимания.

– Куда мы пойдём? – шепотом спросила я.

– Нам надо съесть что-нибудь горячее.

* * *

Мы пришли в харчевню, находившуюся за пределами крепости и переполненную такими шумными посетителями, что ее стены буквально сотрясались от хохота. Компании мужчин выпивали, сидя на небольших возвышениях или прямо на холодной земле вокруг низких столов. Прислуживающие им женщины сновали туда-сюда с подносами, на которых стояли стаканы с вином и тарелки с дымящейся едой. Из кухни в зал шел густой пар, несший с собой запахи моря и горных трав.

Я очень обрадовалась тому, что мы пришли в харчевню. Это место, до отказа забитое запахами и звуками, не оставляло места для воспоминаний о свистящих стрелах.

– Мы снимем комнату, чтобы ты переоделась и можно было бы поговорить, – сказал Оджин, складывая листовку и пряча ее в карман халата. Затем повернулся и позвал: – Чумо!

К нам подошла женщина с обезображенными шрамами губами, прижимавшая к бедру поднос. Ее глаза перебежали с Оджина на меня и обратно, а потом она расплылась в широкой щербатой улыбке.

– Ах, вы такая красивая пара. Только что поженились?

Оджин откашлялся, его лицо пылало.

Считалось неприличным не состоящим в браке мужчине и женщине находиться в подобном месте, да еще и так поздно. Привлекать к нам внимание сплетников было бы неразумно, и потому я поспешила ответить:

– Да. Вот сегодня.

Кончики ушей Оджина покраснели еще больше.

– Нам нужна комната и горячая еда, – пробормотал он, в его голосе явственно звучало смущение.

– Ну конечно, мои дорогие. – Женщина понимающе изогнула бровь. – Идите за мной.

Обогнув низкие столики, перешагнув через руки и ноги пьяных посетителей и чудом избежав падения, мы наконец оказались перед дверью в небольшую комнату.

– Не будете ли вы так добры принести лохань воды? – Я как можно плотнее запахивала плащ, пряча окровавленные пальцы в широких рукавах. – Мне нужно... освежиться.

– Это я мигом, моя дорогая! – Служанка открыла перед нами раздвижную дверь и зажгла свечу, потому что уже наступили сумерки. Затем она принесла мне лохань с водой. – Еда тоже скоро будет.

Оджин заплатил ей, и как только мы остались одни, сел за низкий столик и снова достал листовку.

Я отвернулась от него и посмотрела на деревянную лохань. Чем скорее я избавлюсь от следов крови на руках и одежде, тем скорее забуду об убийстве. Закатав широкие рукава, я погрузила руки в воду и стала отмывать пальцы от крови; это было трудно, казалось, она глубоко проникла в поры моей кожи.

Потом я развязала пояс, высвободилась из запянутого фартука и бросила его в угол. И внимательно осмотрела себя. Кое-где на одежде все еще оставались красные пятнышки, но мне пришлось смириться с этим.

Я заправила за уши выбившиеся пряди волос, расправила помявшуюся юбку и села за шаткий деревянный столик напротив Оджина.

– Ты хотела прочитать листовку, – глухо сказал Оджин. – Не раздумала?

«Не прячься. Не убегай».

Я кивнула:

– Нет.

Он повернул ко мне мятый лист бумаги, заляпанный кровью. По моему телу пробежал озноб – я снова услышала свист стрелы и шум смерти. Закрыв глаза, я сидела так, пока мой разум не прояснился, и тогда я подняла веки и увидела такие вот слова:

Наследный принц убил меня.

Наследный принц убил четырех женщин.

Наследный принц продолжит убивать.

Я крепко сжала руки. Меня пронзило осознание того, что за выгораживание принца меня, возможно, ждет смерть. Оставалось надеяться лишь, что листовка лжет. Люди имеют обыкновение выдумывать небылицы о членах королевской семьи.

– Командира вынуждают быстро вынести вердикт, – сказал Оджин. – Я не понимал прежде, почему от него это требуют, но теперь до меня дошло: королевская семья старается пресечь слухи о наследном принце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ДЖУН ХЁР

18+

КРАСНЫЙ ДВОРЕЦ

ВСЕ ПУТИ ВО ДВОРЕЦ ОКРАШЕНЫ КРОВЬЮ.

Примечания

1

Дворцовый комплекс в Ханяне (сейчас Сеул). Построен во времена правления династии Чосон (1392–1897).

[Вернуться](#)

2

Ли – корейская мера длины, равна 0,393 километра.

[Вернуться](#)

3

Японский термин со значением «энергия».

[Вернуться](#)

4

Медицинское учреждение времен династии Чосон в Корее.

[Вернуться](#)

5

Блузка или жакет, часть корейского национального костюма.

[Вернуться](#)

6

Суффикс – а (после согласного) или – я (после гласного), идущее вслед за именем, означает обращение на «ты».

[Вернуться](#)

7

Женщины на государственной службе во времена династии Чосон. В полиции занимались делами, имеющими отношение к женщинам. Считались ниже рабов.

[Вернуться](#)

8

С 1948 года – Сеул.

[Вернуться](#)

9

Дом, где работают кисэн – артистки, развлекавшие короля и знатных господ.

[Вернуться](#)

10

Корейское название системы письма, состоящей в основном из традиционных китайских иероглифов.

[Вернуться](#)

11

Великое учение – имеется в виду учение Конфуция. «Чжун юн» («Учение о срединном и неизменном Пути») – конфуцианский

трактат, заучивался наизусть людьми, сдававшими экзамены для поступления на государственную службу. «Лунь юй» – главная книга конфуцианства, составленная учениками Конфуция, содержит его высказывания. Мэн-цзы – китайский философ конфуцианской традиции.

[Вернуться](#)

12

Госпожа Мун.

[Вернуться](#)

13

Ыйвон – врач (*кор.*).

Суффикс – ним добавляется к профессии человека при разговоре с ним, если он выше по рангу.

[Вернуться](#)

14

Один из самых крупных городов Кореи.

[Вернуться](#)

15

Его/ее высочество, обращение к юному принцу или принцессе.

[Вернуться](#)

16

Добрый семейный дух, покровительница женской половины дома.

[Вернуться](#)

17

Духи семи звезд Большой Медведицы – шаманские божества, определяющие судьбы людей.

[Вернуться](#)

18

Китайский врач времен правления династии Тан (618–907).

[Вернуться](#)

19

«Зеркало восточной медицины» – энциклопедия традиционной корейской медицины, написанная Хо Джуном в 1613 году.

[Вернуться](#)